

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»

Ястребов О.А. — доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор, директор Юридического института РУДН, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического института РУДН, член ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации — *главный редактор серии*

Немытина М.В. — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Юридического института РУДН — *заместитель главного редактора серии*

Гребнев Р.Д. — кандидат юридических наук, заместитель директора Юридического института РУДН по научной работе, член экспертного совета при комиссии Московской городской Думы по законодательству — *ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Абашидзе А.Х. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Юридического института РУДН, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований юридического института РУДН, вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН

Аззуз Кердун — профессор международного права факультета права Университета Константы (Алжир), член Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Атабекова А.А. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков Юридического института РУДН, член Ассоциации устных и письменных юридических переводчиков ЕС (EULITA), представитель РУДН в Европейском Совете по языкам (CSE/ELC)

Байдельдинов Д.Л. — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби

Безбах В.В. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права Юридического института РУДН, Заслуженный юрист Российской Федерации, почетный работник высшего образования Российской Федерации

Букалерева Л.А. — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института РУДН

Буриан А.Д. — доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол (в отставке), Президент Молдавской Ассоциации международного права

Воробьев В.В. — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Юридического института РУДН, член-корреспондент РАЕН

Гребенников В.В. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН, Заслуженный юрист Российской Федерации

Демичев Д.М. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Белорусского государственного экономического университета

Джансараева Р.Е. — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Еремян В.В. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института РУДН, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, член Экспертного совета по праву Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук

Зеленцов А.Б. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН

Иншакова А.О. — доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права (базовая кафедра ЮНЦРАН) Института права Волгоградского государственного университета

Кирсанов А.Н. — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного и экологического права Юридического института РУДН

Клишас А.А. — доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Юридического института РУДН, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института РУДН, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым судебным вопросам, развитию гражданского общества, основатель фонда современной истории, член Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, член попечительского совета Ассоциации юристов России, Заслуженный юрист Российской Федерации

Муромцев Г.И. — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института РУДН

Нурмаганбет Е.Т. — кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета Казахского национального университета имени Аль-Фараби по научно-инновационной деятельности и международным связям

Панагиотопулос Димитриос — профессор Афинского университета, проректор Центрального университета Греции, Президент Международной Ассоциации спортивного права

Понька В.Ф. — доктор юридических наук, заведующий кафедрой гражданского и трудового права Юридического института РУДН

Рейнгольд В.А. — доктор юридических наук, профессор Балтийской Международной Академии (Рига, Латвия)

Ренато Зербини Рибейро Лео — доктор юридических наук и социальных наук Университетского центра Бразилиа (Бразилия), профессор, заместитель председателя Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам

Сумбарова М.В. — доктор права, ассоциированный профессор Балтийской Международной Академии (Латвия), эксперт Академии наук Латвии

Халабуденко О.А. — доктор права, доцент, доцент кафедры частного права юридического факультета Международного независимого университета Молдовы (ULIM)

Хашматулла Бехруз — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия» (Украина)

Чирич Александр — доктор юридических наук, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Государственного университета г. Ниш (Сербия)

EDITORIAL STAFF OF SERIES «LAW»

Yastrebov O.A. — Doctor of Laws, Doctor of Economics, Professor, Director of Law Institute at People's Friendship University of Russia, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Law Institute at People's Friendship University of Russia, member of the HAC Ministry of Education and Science, the Russian Federation — *Chief Editor of the Series*

Nemytina M.V. — Doctor of Laws, Professor, Head of Theory and History of State and Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia — *Deputy Editor of the Series*

Grebnev R.D. — PhD, Deputy Director for scientific activities, Law Institute, People's Friendship University of Russia, member of the advisory council at the Moscow City Duma committee on legislation — *Executive Secretary of the Editorial Board*

Members of Editorial Board

Abashidze A.Kh. — Doctor of Laws, Professor, Head of the International Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia, director of the Center for innovative educational projects and legal research, Peoples' Friendship University of Russia, Vice chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights, Chairman of the International Law Commission for UN development of the United Nations Association of Russia

Azzouz Kerdoun — Professor of International Law, Faculty of Law, University of Constantine (Algeria), member of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights

Atabekova A.A. — Doctor of Philology, Professor, Head of Foreign Languages Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia, member of the EU Law Interpreters and Translators Association (EULITA), representative of People's Friendship University of Russia at the European Council on languages (CSE / ELC)

Baideldinov D.L. — Doctor of Laws, Professor, Dean of Law Faculty, Kazakh National University after Al-Farabi

Bezbakh V.V. — Doctor of Laws, Professor, Civil and Labor Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored member of Higher Education of the Russian Federation

Bukalerova L.A. — Doctor of Laws, Professor, Head of Criminal Law and Procedure Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia

Burian A.D. — Doctor of Laws, Professor, Ambassador (retired), President of the Moldova International Law Association

Vorobyov V.V. — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia, corresponding member of the Academy of Natural Sciences

Grebennikov V.V. — Doctor of Laws, Professor, Head of Judiciary, Law Enforcement and Advocacy Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation

Demchev D.M. — Doctor of Laws, Professor, Head of Theory and History of Law Department, Belarusian State Economics University

Dzhansaraeva R.E. — Doctor of Laws, Professor, Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department, Law Faculty, Al-Farabi University

EDITORIAL BOARD

Yeremyan V.V. — Doctor of Laws, Professor, Constitutional Law and Constitutional Proceedings Department, People's Friendship University of Russia, Law Institute, Member of the Supreme Qualification Collegium of Judges. Member of the Expert Council of the Law of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation Ministry of Education and Science, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences

Zelentsov A.B. — Doctor of Laws, Professor, Administrative and Financial Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia

Inshakova S.A. — Doctor of Laws, Professor, Head of Civil and International Private Law Department (standard department of SSC RAS) Law Institute, Volgograd State University

Kirsanov A.N. — PhD, Associate Professor, Head of Land and Environmental Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia

Klishas A.A. — Doctor of Laws, Professor, scientific supervisor, Law Institute, Head of Constitutional Law and Constitutional Proceedings Department, People's Friendship University of Russia, Law Institute, Chairman of the Federation Council Committee on Constitutional Legislation, Legal Judicial Affairs, development of civil society, founder of Modern History Foundation, member of the Presidium of the Higher Attestation Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation, member of the Board of Trustees for Lawyers of Russia Association, Honored Lawyer of the Russian Federation

Muromtsev G.I. — Doctor of Laws, Professor, Theory and History of State and Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia

Nurmaganbetov E.T. — PhD, Associate Professor, Deputy Dean for scientific innovation activities and international relations, Law Faculty, Al-Farabi University

Dimitrios Panagiotopoulos — Professor, University of Athens, Vice-Rector of the Central University of Greece, President of the International Sports Law Association

Ponka V.F. — Doctor of Laws, Head of Civil and Labor Law Department, Law Institute, People's Friendship University of Russia

Reinhold V.A. — Doctor of Laws, Professor of Baltic International Academy (Latvia, Riga)

Renato Zerbini Ribeiro Leo — Doctor of Laws and Social Sciences, University Center of Brasilia (Brazil), Professor, Vice-Chairman of the UN Committee on Economic, Social and Cultural Rights

Sumbarova M.V. — JD, associate professor of the Baltic International Academy (Latvia), Latvian Academy of Sciences expert

Halabudenko O.A. — Doctor of Laws, Associate Professor, Private Law Department, Free International University of Moldova (ULIM)

Hashmatullah Behrouz — Doctor of Laws, Professor, European Union Law and Comparative Legal Studies Department, the National University «Odessa Law Academy» (Ukraine)

Chirich Alexander — Doctor of Laws, Head of Commercial Law Faculty, State University of Nis (Serbia)

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2016, № 1

Серия издается с 1997 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Прошунин М.М. Специальный правовой режим информации в рамках финансового мониторинга..... 9

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Сусликов В.Н., Шахова Е.С. Позитивное родительство как основное направление государственной семейной политики: теоретические и методологические аспекты родительских правоотношений 17

Ниязова А.Н. Основные гносеологические подходы к исследованию публичных и частных начал в отношениях собственности на землю..... 29

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Фролова Е.Е. К вопросу правового обеспечения формирования гражданского общества..... 36

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Клишас А.А. Политико-правовой анализ ограничительных мер, введенных в отношении Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц некоторыми интеграционными объединениями и зарубежными государствами 41

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Абашидзе А.Х., Солнцев А.М., Киселева Е.В., Конева А.Е., Круглов Д.А. Достижение Целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение..... 65

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Колесников А.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при выявлении и расследовании преступлений против личности 79

НАШИ АВТОРЫ..... 93

BULLETIN

of Peoples’ Friendship University of Russia

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

LAW

2016, № 1

Series founded in 1997

Peoples’ Friendship University of Russia

CONTENTS

FINANCIAL LAW; TAX LAW; BUDGETARY LAW

Proshunin M.M. Special legal regime of information in financial monitoring 9

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Suslikov V.N., Shahova E.S. Positive parenting as guidelines for state family policy: theoretical and methodological aspects of parental legal relations..... 17

Niyazova A.N. Epistemological approaches to the research of public and private bases in relationships of land property 29

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL JUSTICE; MUNICIPAL LAW

Frolova E.E. To a question of legal regulation of formation of civil society 36

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF THE STATE; HISTORY OF DOCTRINES OF LAW AND STATE

Klishas A.A. The politic and legal analysis of some integration associations and nations restrictive measures against Russian Federation, russian citizens and entities..... 41

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

Abashidze A.Kh., Solntsev A.M., Kiseleva E.V., Koneva A.E., Kruglov D.A. Achievement of Sustainable Development Goals (2016–2030): international legal dimension..... 65

CRIMINAL PROCEDURE

Kolesnikov A.V. Using the results of operational-investigative activity in the detection and investigation of crimes against the person 79

OUR AUTHORS..... 93

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО; НАЛОГОВОЕ ПРАВО; БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ИНФОРМАЦИИ В РАМКАХ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА

М.М. Прошунин

Кафедра административного и финансового права
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Кафедра финансового права
Российский государственный университет правосудия
ул. Новочеремушкинская, 69, Москва, Россия, 117418

Статья посвящена финансово-правовым вопросам соблюдения агентами финансового мониторинга запрета об информировании клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, а также мерам ответственности за нарушение данного запрета. Автор рассматривает дискуссионные вопросы правоприменительной практики в части направления информации аффилированным лицам и предлагает пути их решения. При рассмотрении вопроса о допустимости раскрытия информации третьим лицам автор предлагает разграничивать информацию на несколько видов (банковская тайна, персональные данные физических лиц, информация о процедурах финансового мониторинга, осуществляемых агентами финансового мониторинга и информация, полученная агентами финансового мониторинга из публичных источников) и применять к ней соответствующие нормативные правовые акты при решении вопроса о раскрытии информации третьим лицам. В качестве универсального критерия разграничения информации, не подлежащей и подлежащей раскрытию третьим лицам, по мнению автора, следует рассматривать практическую ценность данной информации для потенциальных правонарушителей, осуществляющих отмывание преступных доходов или финансирование терроризма. В статье приводится анализ применения административной ответственности за нарушение законодательства о финансовом мониторинге и предлагаются пути совершенствования норм о юридической ответственности в части распространения ряда положений ст. 15.27 КоАП РФ на кредитные организации.

Ключевые слова: легализация преступных доходов, финансирование терроризма, финансовый мониторинг, агент финансового мониторинга, ПОД/ФТ, информация, административная ответственность.

В рамках осуществления финансового мониторинга одним из актуальных вопросов, возникающих при осуществлении процедур (мер) финансового мониторинга, является вопрос информирования клиента, его представителя об осуществляемых агентом финансового мониторинга процедурах в рамках публично-правовых ограничений.

Так, в соответствии со ст. 4 Федерального закона № 115-ФЗ от 07.08.2001 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступ-

ным путем, и финансированию терроризма» [3] к мерам, направленным на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, относится запрет на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, за исключением информирования клиентов о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества [9], о приостановлении операции, об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций, об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), о необходимости предоставления документов по основаниям, предусмотренным указанным выше законом.

Кроме того, агенты финансового мониторинга обязаны в соответствии с правилами внутреннего контроля документально фиксировать информацию, полученную в результате реализации указанных правил, и сохранять ее конфиденциальный характер [3].

При реализации правил внутреннего контроля по ПОД/ФТ кредитная организация должна обеспечить сохранение конфиденциальности сведений о мерах, принимаемых кредитной организацией в целях ПОД/ФТ [6].

В свою очередь, ответственный сотрудник в рамках возложенных на него функций в программе организации системы ПОД/ФТ обязан обеспечивать конфиденциальность информации, полученной при осуществлении своих функций [6].

Аналогичные по сути положения действуют в отношении некредитных финансовых организаций — агентов финансового мониторинга, обязанных сохранять конфиденциальность сведений о мерах, принимаемых некредитной финансовой организацией в целях ПОД/ФТ. Ответственный сотрудник обязан обеспечивать конфиденциальность информации, полученной при осуществлении своих функций [7].

Правовое содержание запрета предусматривает ограничение на раскрытие информации о самих мерах (внутренних процедурах), осуществляемых агентами финансового мониторинга. При этом информация, которая собирается агентом финансового мониторинга, может попадать под разные правовые режимы.

Во-первых, собираемая информация может являться персональными данными, обработка которой осуществляется в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных» [5]. В этой связи раскрытие указанной информации третьим лицам будет регулироваться указанным законом, а также соответствующим договором, заключенным между агентом финансового мониторинга и клиентом — владельцем персональных данных.

Во-вторых, информация, полученная агентом финансового мониторинга, может рассматриваться как банковская тайна, к которой следует относить информацию об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов [2]. В отношении правового режима банковской тайны следует подчеркнуть «нерешенность» вопроса относительно возможности передавать информацию, содержащую банковскую тайну третьим лицам на основании согласия клиента. Отсутствие прямого указания в законе на такую возможность и публично-

правовой характер ограничения на раскрытие банковской тайны до сих пор остается открытым вопросом о правомерности передачи третьим лицам информации, содержащей банковскую тайну, на основании согласия клиента, выраженного в соответствующем договоре или в отдельно составленном документе.

В-третьих, информация, полученная из публичных источников, а priori предполагает широкий круг полномочий по передаче ее третьим лицам, так как владелец указанной информации не устанавливает каких-либо ограничений на ее обращение.

И наконец, в-четвертых, это информация, полученная агентом финансового мониторинга в результате осуществленных мер, процедур финансового мониторинга, в том числе путем использования таких способов, как мониторинг, анализ, сравнительный анализ, индукция, дедукция и т.д. Примером такой информации могут быть уровень риска вовлеченности клиента в легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, виды операций, потенциально связанные с легализацией преступных доходов или финансированием терроризма, и т.д.

В рассмотренных случаях под запрет, предусмотренный нормативными правовыми актами в сфере финансового мониторинга, попадает лишь четвертая группа информации, так как данная информация является результатом осуществления мер (процедур) финансового мониторинга. При этом остальные три группы информации не должны являться предметом запрета в рамках противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. К данным группам информации должны применяться соответствующие правовые режимы — персональных данных, банковской тайны или общедоступной информации.

При этом не следует рассматривать в качестве информации, попадающей под ограничения в рамках запрета информирования о процедурах финансового мониторинга информацию, предоставляемую клиентом агента финансового мониторинга, например, регистрационные документы, договоры аренды и другие документы.

Первым критерием разграничения информации, не подлежащей предоставлению третьим лицам в рамках финансового мониторинга, следует считать потенциальную возможность использования данной информации лицами, осуществляющими легализацию преступных доходов или финансирование терроризма в целях легализации преступных доходов или финансированию терроризма, например, для избежания процедур обязательного или факультативного мониторинга. Так, наличие информации о порядке применения критериев необычных операций позволит легализатору таким образом структурировать денежные переводы, чтобы обойти внутренние критерии для определения массива операций для анализа на предмет потенциальной легализации преступных доходов или финансирования терроризма. Иными словами, данная информация должна представлять ценность для лиц, осуществляющих преступную деятельность, и может некоторым образом облегчить легализацию преступных доходов или финансирование терроризма.

Вторым критерием может выступать такое раскрытие информации третьими лицами, которое даст основание для лиц, осуществляющим преступную деятельность, изменить подходы и способы легализации преступных доходов или финансирования терроризма и тем самым затруднить анализ операций и сделок клиента как органами государственного финансового контроля и правоохранительными органами. Иными словами, предупредить их о потенциальной возможности возбуждения уголовного дела в рамках легализации преступных доходов или финансирования терроризма.

В рамках совершенствования законодательства о финансовом мониторинге исключительно важно предоставить право агентам финансового мониторинга передать информацию о мерах, осуществляемых агентом финансового мониторинга, аффилированным структурам в рамках банковских групп и холдингов (признанным таковыми в соответствии с законодательством иностранного государства, а не только в рамках банковских групп и холдингов, являющихся таковыми в соответствии с российским законодательством), осуществляющих прямой или косвенный контроль за деятельностью агента финансового мониторинга (более 50% долей участия или акций).

В противном случае можно говорить о юридическом парадоксе, когда головная структура группы или холдинга для обеспечения контроля за соблюдением корпоративных процедур финансового мониторинга, а также локального законодательства не может получить доступ к информации о процедурах, реализуемых локальной аффилированной структурой в рамках противодействия легализации преступных доходов, а должностные лица агента финансового мониторинга находятся под угрозой привлечения к административной ответственности за раскрытие информации о процедурах финансового мониторинга третьим лицам.

Вместе с тем в ряде случаев Банк России высказывает противоречивую позицию. Так, в письме от 13 апреля 2010 г. № 12-1-5/666 «О направлении материалов по итогам встречи руководителей Банка России с коммерческими банками, состоявшейся 25–26 марта 2010 года» Банк России посчитал, что предоставление кредитной организацией аудиторской организации информации и документов, необходимых ей для подготовки заключения о состоянии внутреннего контроля в кредитной организации, не является нарушением запрета на информирование клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [8]. При этом нормативный запрет на раскрытие информации не содержит каких-либо исключений в отношении отдельных категорий субъектов права. Исключения касаются только содержания информации, а именно: не является нарушением запрета информирование клиентов о принятых мерах по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, о приостановлении операции, об отказе в выполнении распоряжения клиента о совершении операций, об отказе от заключения договора банковского счета (вклада), о необходимости предоставления документов по основаниям, предусмотренным Законом № 115-ФЗ.

Единственным нормативным исключением являются положения п. 8 ст. 7 Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», закрепляющие, что представление в Росфинмониторинг агентами финансового мониторинга, их руководителями и работниками сведений и документов в отношении операций и в целях и порядке, которые предусмотрены указанным федеральным законом, не является нарушением служебной, банковской, налоговой, коммерческой тайны и тайны связи (в части информации о почтовых переводах денежных средств). Данное исключение не дает возможности его распространения на аудиторские организации и аффилированные структуры.

Обращаясь к вопросам административной ответственности за раскрытие информации о процедурах финансового мониторинга, следует детально рассмотреть ст. 15.27 Кодекса об административных нарушениях, а также меры воздействия, применяемые Банком России в рамках ст. 74 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [4].

В соответствии с письмом Центрального банка РФ от 13.07.2005 № 98-Т «О Методических рекомендациях по применению Инструкции Банка России от 31.03.1997 № 59 “О применении к кредитным организациям мер воздействия”» при нарушениях кредитными организациями нормативных правовых актов в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» кредитные организации за предоставление либо передачу клиенту иным способом информации о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (в том числе о предоставлении информации в уполномоченный орган) несут наказание в виде штрафа до 0,1 процента минимального размера уставного капитала, а в случае повторного нарушения в течение одного года — до 1 процента размера уплаченного уставного капитала, но не более 1 процента минимального размера уставного капитала, либо в их адрес направляется требование о замене руководителей кредитной организации.

В рамках ст. 15.27 КоАП РФ следует применять положения п. 1 указанной статьи, устанавливающей ответственность за неисполнение законодательства в части организации и (или) осуществления внутреннего контроля, не повлекшее непредставления сведений об операциях, подлежащих обязательному контролю, либо об операциях, в отношении которых у сотрудников организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом, возникают подозрения, что они осуществляются в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма [1].

При этом следует отметить, что данное положение устанавливает административную ответственность как для агентов финансового мониторинга, не являющихся кредитными организациями, так и для должностных лиц данных агентов финансового мониторинга, а также должностных лиц агентов финансового мониторинга, являющихся кредитными организациями. Анализ остальных положений ст. 15.27 КоАП РФ не позволяет включать в объективную сторону

административного правонарушения нарушение запрета на информирование третьих лиц о процедурах финансового мониторинга.

Тем самым исключены из перечня субъектов административного правонарушения кредитные организации, что, на наш взгляд, не соответствует единообразному подходу к административной ответственности всех агентов финансового мониторинга. Решением данного вопроса должно стать либо включение кредитных организаций в качестве субъектов административной ответственности за нарушение запрета, связанного с информированием клиентов и иных лиц о принимаемых мерах противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, либо исключение иных агентов финансового мониторинга из субъектов административной ответственности за нарушение запрета.

Последняя опция представляется более предпочтительной, так как раскрытие информации в любом случае связано с деятельностью должностных лиц, раскрывающих информацию путем опубликования ее на официальном сайте агента финансового мониторинга, путем предоставления копий локальных нормативных документов агентов финансового мониторинга, направлением официальных писем, содержащих указанную информацию третьим лицам.

В заключение отметим, что режим ограничения распространения информации в рамках финансового мониторинга третьим лицам является международным стандартом, закрепленным в Сорока рекомендациях ФАТФ. Вместе с тем реализация данного запрета не должна негативно сказываться на взаимодействии агента финансового мониторинга и клиента. В основу определения нарушения данного запрета должно быть положено не формальное нарушение — передача информации, а оценка «ценности» данной информации для лиц, осуществляющих преступную деятельность, а именно легализацию преступных доходов или финансирование терроризма. В противном случае агенты финансового мониторинга будут вынуждены максимально консервативно толковать действующий запрет и как результат, значительно ограничат «обратную связь» с клиентом, который, в свою очередь, будет относиться к действиям агентов финансового мониторинга с еще большим недоверием.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Статья подготовлена при информационной поддержке Справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации // *Собрание законодательства РФ*. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
- [2] Федеральный закон от 2 декабря 1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» // *Собрание законодательства РФ*. — 1996. — № 6. — Ст. 492.
- [3] Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // *Собрание законодательства РФ*. — 2001. — № 33. — Ст. 3418.

- [4] Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 28. — Ст. 2790.
- [5] Федеральный закон № 152 от 27 июля 2006 г. «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (1 ч.). — Ст. 3451.
- [6] Положение Банка России № 375-П от 2 марта 2012 «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. — 2012. — № 20.
- [7] Положение Банка России № 445-П от 15 декабря 2014 «О требованиях к правилам внутреннего контроля некредитных финансовых организаций в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Вестник Банка России. — 2015. — № 14.
- [8] Письмо Банка России от 13 апреля 2010 г. № 12-1-5/666 «О направлении материалов по итогам встречи руководителей Банка России с коммерческими банками, состоявшейся 25–26 марта 2010 года» // Вестник Ассоциации российских банков. — 2010. — № 9.
- [9] Информационное сообщение Росфинмониторинга «Типовые вопросы применения отдельных норм Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ “О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма”» // СПС «КонсультантПлюс».

SPECIAL LEGAL REGIME OF INFORMATION IN FINANCIAL MONITORING

M.M. Proshunin

The Department of Administrative and Financial Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The Department of Financial Law
Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117418

This article is devoted to financial law issues as to prohibition imposed on agents of financial monitoring to disclose of information on anti money laundering measures and measures against terrorism financing to third parties and administrative liability for failure to comply with such prohibition.

The author considers the legal issues in relation to exchange of information with affiliates of the agents of financial monitoring and propose some practical solutions. The author proposes to divide the information into four categories: banking secrecy, personal data of individuals, information on measures taken by the agents of financial monitoring and public information. According to author, the application of legal acts has to depend on abovementioned types of information. The practical value (significance) of information for criminals carrying out money laundering / terrorism financing has to be the universal criteria for distinguish of information which can / cannot be disclosed to any third parties. The article contains the legal analyses of administrative liability for failure to comply with anti-money laundering / terrorism financing laws. The author proposes some ways of improvement of Russian administrative legislation, in particular, extension of some provisions of article 15.27 of the Russian Code of Administrative Offence on credit organisations.

Key words: money laundering, terrorism financing, financial monitoring, agent of financial monitoring, AML/CTF, information, administrative liability.

REFERENCES

- [1] Kodeks ob administrativnyh pravonarushenijah Rossijskoj Federacii [Code of Administrative Offences of the Russian Federation] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation]. — 2002. — № 1 (ch. 1). — St. 1.
- [2] Federal'nyj zakon ot 2 dekabrja 1990 № 395-1 «O bankah i bankovskoj dejatel'nosti» [Federal Law of December 2, 1990 № 395-1 «On banks and banking activity»] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation]. — 1996. — № 6. — St. 492.
- [3] Federal'nyj zakon ot 7 avgusta 2001 № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» [Federal Law of August 7, 2001 № 115-FZ «On counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime and terrorist financing»] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation]. — 2001. — № 33. — St. 3418.
- [4] Federal'nyj zakon ot 10 ijulja 2002 № 86-FZ «O Central'nom banke Rossijskoj Federacii (Banke Rossii)» [Federal Law of July 10, 2002 № 86-FZ «On the Russian Federation (Bank of Russia), the Central Bank»] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation]. — 2002. — № 28. — St. 2790.
- [5] Federal'nyj zakon № 152 ot 27 ijulja 2006 g. «O personal'nyh dannyh» [Federal Law number 152 of 27 July 2006 «On Personal Data»] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of the RF legislation]. — 2006. — № 31 (1 ch.). — St. 3451.
- [6] Polozhenie Banka Rossii № 375-P ot 2 marta 2012 «O trebovanijah k pravilam vnutrennego kontrolja kreditnoj organizacii v celjah protivodejstvija legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» [Bank of Russia № 375-P dated March 2, 2012 «On the requirements for the rules of the internal control of the credit institution for the purpose of counteracting the legalization (laundering) of proceeds from crime and terrorist financing»] // *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of Bank of Russia]. — 2012. — № 20.
- [7] Polozhenie Banka Rossii № 445-P ot 15 dekabrja 2014 «O trebovanijah k pravilam vnutrennego kontrolja nekreditnyh finansovyh organizacij v celjah protivodejstvija legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma» [Bank of Russia № 445-P of 15 December 2014 «On the requirements for internal control rules of non-credit financial institutions in order to prevent legalization (laundering) of proceeds from crime and terrorist financing»] // *Vestnik Banka Rossii* [Bulletin of Bank of Russia]. — 2015. — № 14.
- [8] Pis'mo Banka Rossii ot 13 aprelja 2010 g. № 12-1-5/666 «O napravlenii materialov po itogam vstrechi rukovoditelej Banka Rossii s kommercheskimi bankami, sostojavshejsja 25–26 marta 2010 goda» [Bank of Russia Letter dated April 13, 2010 № 12-1-5 / 666 «On the direction of the materials on the results of the meeting the heads of the Bank of Russia with the commercial banks held 25–26 March 2010»] // *Vestnik Associacii rossijskih bankov* [Bulletin of Russian Banks Association]. — 2010. — № 9.
- [9] Informacionnoe soobshhenie Rosfinmonitoringa «Tipovye voprosy primenenija ot del'nyh norm Federal'nogo zakona ot 07.08.2001 № 115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniju) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniju terrorizma»» [Information message Rosfinmonitoring «Typical questions of application of certain provisions of the Federal Law of 07.08.2001 № 115-FZ «On counteraction to legalization (laundering) of proceeds from crime and terrorist financing»»] // *Spravochnaja pravovaja sistema «Konsul'tantPljus»* [«ConsultantPlus»].

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПОЗИТИВНОЕ РОДИТЕЛЬСТВО КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

В.Н. Сусликов¹, Е.С. Шахова²

¹ Кафедра гражданского права

² Кафедра финансового права, конституционного,
гражданского и административного судопроизводства
Юго-Западный государственный университет
ул. 50 Лет Октября, 94, Курск, Россия, 305040

В статье идет речь о том, что назрела необходимость реформирования семейного законодательства, в том числе и регламентирующего древнейшие семейные правоотношения — родительские. В настоящее время требуется разработка концептуальных основ для развития учения о родительских правоотношениях. На государственном уровне закреплена политика в поддержку позитивного родительства, однако сам термин «позитивное родительство» не ясен в первую очередь самим носителям прав, важно не только закрепить исследуемый принцип в качестве основного начала семейного законодательства в Семейном кодексе Российской Федерации, но и произвести разъяснительную и просветительскую работу среди непосредственных участников правоотношений. Несмотря на достоинства исследуемой концепции, она не относится к исконно русским традициям, внедрить в жизнь принципы позитивного родительства невозможно без привлечения средств массовой информации, социальной рекламы, в силу того, что именно в семейной сфере как в никакой иной сильны обычаи.

Ключевые слова: родители, позитивное родительство, ответственное родительство, родительские правоотношения, несовершеннолетние дети, государственная семейная политика.

Личные отношения между ребенком и родителем первичны и останутся таковыми независимо от признания их правом, они будут объективно существовать, даже не найдя воплощения в правоотношении, однако в этом случае их субъекты не смогут воспользоваться принудительной силой государства для защиты таких отношений.

Урегулирование правом, придание субъектам родительских отношений официального характера не только способствует их осуществлению и защите, но и имеет определяющее значение для сопутствующих правоотношений — от-

ношений по установлению происхождения детей, по социальной защите (назначения различных пособий), имущественных, наследственных, отношений по алиментированию и т.д.

Родительские правоотношения регулируются не только семейным правом. В ст. 38 Конституции РФ установлено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей.

Отдельные аспекты регулирования родительских правоотношений охватываются предметом таких отраслей права, как международное, конституционное, гражданское, трудовое, право социального обеспечения, уголовное, административное, гражданское процессуальное и т.д., в связи с чем их исследование должно носить комплексный междисциплинарный характер. Безусловно, главенствующая роль отводится семейно-правовому регулированию.

Р.О. Халфина в качестве целей правового регулирования выделяла «обеспечение научной обоснованности государственных решений во всех областях руководства экономической, культурной и социальной жизнью, взаимную согласованность этих решений, их практическое осуществление» [15. С. 4]. Не отрицая важности взаимодействия права и других средств социального воздействия, она на первое место ставила правовое регулирование.

Обратим внимание, что именно для родительских правоотношений как ни для каких других важно взаимодействие правового регулирования и различных мер социального воздействия. Спецификой родительских отношений является то, что большая их часть не может быть опосредована рамками правоотношений, а регулируется на основе норм морали, нравственности, традиций, психологии и педагогики, в силу чего стимулированием надлежащего поведения как со стороны родителей, так и детей должен быть не страх применения мер ответственности и принуждения, а выработка и закрепление в обществе модели поведения, свидетельствующей о высоком уровне внутренней позитивной ответственности, понимания роли и значения родительства, вне зависимости от факта совместного проживания, возведения в догму принципа взаимоуважения родителей и детей по отношению друг к другу. Данная цель должна быть реализована в рамках психологии, социологии, педагогики, а закреплена семейным правом.

Нельзя с полной уверенностью утверждать, что нравственная и морально-этическая составляющая родительских отношений должна остаться за рамками правового регулирования. На международном уровне закреплён запрет физического и психологического насилия над несовершеннолетними детьми, поэтому важно выработать единую правовую позицию в регламентации родительских правоотношений в Российской Федерации, исключив подобные явления. Взаимоуважение в рамках родительских правоотношений следует закрепить как одну из базовых семейных ценностей, определяющих стабильность общественного устройства России. Реализация принципа взаимоуважения повлечет за собой и отказ от физического и психологического насилия.

Однако следует особо подчеркнуть, что государство может содействовать, защищать, способствовать превенции злоупотребления родительскими правами,

но при этом не должно прямо вмешиваться в родительские правоотношения. В противном случае возможно возвращение к постулатам советского времени и включении государства в круг субъектов родительских правоотношений, что противоречит действующему основному началу семейного законодательства о недопустимости произвольного вмешательства в дела семьи. Вспомним, как указывал Бошко: «...воспитание детей — дело большой государственной важности» [4. С. 237]. М. Горький отмечал: «Любить детей, это и курица умеет, а вот уметь воспитывать их — это великое государственное дело, требующее таланта и широкого знания жизни» [4. С. 237].

Современный этап также, к сожалению, не лишен злоупотреблений в исследуемой сфере. Так, по данным российских средств массовой информации, в Финляндии в январе 2016 г. без какого-либо решения суда социальные работники изъяли сына Томаса из семьи Вероники Стопкиной и ее финского мужа. 10-летнего мальчика прямо из школы увезли в приют после того, как он пожаловался на строгое воспитание.

Данный пример, хотя и основан на праве Финляндии, подчеркивает, что в российском семейном праве не должно быть приоритетности защиты прав и интересов несовершеннолетних детей либо их родителей, необходима повышенная защита именно семьи, комплексная поддержка и охрана прав как детей, так и родителей одновременно без смещения приоритетности. Помимо этого необходимо выработать четкие законодательные критерии, что входит в содержание понятия «злоупотребление родительскими правоотношениями», как следует трактовать формулировки «строгое воспитание», «излишне строгое воспитание» и т.д.

Актуальность исследования правового регулирования родительских правоотношений подчеркивает тот факт, что на современном этапе развития общества и права в медийной риторике все чаще поднимаются темы «войн» между родителями, бабушками, дедушками, когда дети становятся не субъектом родительских правоотношений, имеющих свой интерес, нуждающихся в повышенной защите, а объектом манипуляций. Бурное обсуждение общественности вызвали споры о родительских правах таких известных лиц как Ольга Слуцкер и Владимир Слуцкер, Виктор Батурин и Яна Рудсковская, Елена Сафонова и Самюэль Лабард, Алексей Панин и Юлия Юдинцева и т.д.

Воспитание подрастающего поколения в духе патриотизма, ликвидация детской беспризорности и безнадзорности, охрана семьи как традиционной ценности — основные государственные стратегические задачи. Российской Федерацией в данной сфере приняты ряд концепций, стратегий долговременного развития. Так, согласно Указу Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» (далее — Национальная стратегия) в Российской Федерации пропагандируется ответственное родительство и защищенное детство, разрабатывается политика в поддержку позитивного родительства, закрепляется главенствующая роль семьи и родительского воспитания, партнерские отношения детей и родителей.

В Концепции государственной семейной политики в России на период до 2025 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 (далее —

Концепция), закреплена пропаганда ответственного родительства, отцовства, материнства и формирование позитивного образа отца и матери. Это, безусловно, заслуживает высокой положительной оценки и скорейшего проведения в жизнь. При этом вызывает недоумение отсутствие в Концепции хотя бы упоминания об усыновленных детях. Думается, что вышеназванное положение следует несколько редактировать, дополнив необходимостью пропаганды ответственного альтернативного родительства (усыновительства), что полностью соответствует определенному в Национальной стратегии государственному приоритету России — обеспечению благополучного и защищенного детства.

В Концепции указывается на необходимость закрепления презумпции добросовестности родителей при осуществлении родительских прав, при этом очень важно решить, будет ли подобная презумпция распространяться и на усыновителей.

В Концепции и Национальной стратегии впервые упомянут термин «позитивное родительство», Семейный кодекс Российской Федерации (далее — СК РФ) указанным понятием не оперирует. В Семейном кодексе РФ в ст. 1, называющей основные начала семейного законодательства, в отличие от Национальной Стратегии и Концепции государственной семейной политики России, являющимися по своей юридической силе нижестоящими подзаконными нормативными правовыми актами, нет указания на принципы «позитивного (ответственного) родительства». По нашему мнению, следует в СК РФ не только включить термин «позитивное родительство», но раскрыть и его основные принципы.

Далеко не все ученые разделяют точку зрения о необходимости включения в СК РФ термина «позитивное родительство». Так, А.М. Нечаева прямо указала: «Включение в текст Семейного кодекса искусственно привязанных, не совсем понятных терминов лишает его признаков закона, пусть даже своеобразного за счет регулирования по-своему автономных отношений...» [10. С. 15]. Профессор А.М. Нечаева также высказала критику включения в текст СК РФ понятий «традиционные семейные ценности», «позитивное родительство» [11. С. 179].

Обратим внимание, что формулировка «позитивное родительство» происходит из западной концепции [3]. Комитетом Министров Совета Европы были даны Рекомендации о разработке комплекса мер в поддержку позитивного родительства, Российская Федерация, являясь членом Совета Европы, восприняла соответствующие рекомендации. Россия подписала либо ратифицировала большинство из основных международных документов и признает основные европейские принципы в отношении поддержки семей и развития детей.

Обращаясь к ст. 6 Семейного кодекса Российской Федерации, отметим, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены семейным законодательством, применяются правила международного договора.

Рекомендации Комитета Министров государствам — членам Совета Европы о политике в поддержку позитивного воспитания детей родителями были

разработаны в декабре 2006 г. (Рекомендации приняты Комитетом Министров 13 декабря 2006 г. на 983-м заседании постоянных представителей министров).

Анализируя Национальную стратегию и Концепцию, можно прийти к выводу, что термин «позитивное родительство» по сути аналогичен содержанию понятия «ответственное родительство».

Под позитивным родительством понимается такое поведение родителей, когда они уважают высшие интересы детей и их права, как они изложены в Конвенции ООН о правах ребенка, родитель признает ребенка как полноправную личность.

Авторским коллективом под руководством д.э.н., профессора И.Е. Калабихиной при разработке комплекса мер по реализации Рекомендаций Комитета министров Совета Европы о политике в поддержку позитивного родительства сформулировано следующее понятие: «Позитивное воспитание детей родителями» — поведение родителей в отношении воспитания, развития способностей, уважения интересов и взглядов ребенка и создания условий, в которых ребенок может в полной мере развиваться. Такое воспитание основано на высших интересах ребенка. Позитивное воспитание детей родителями может быть определено как создание позитивных отношений между родителями и детьми, как оптимизация потенциала развития ребенка, как взаимоуважение и сотрудничество родителей и ребенка [12]. По нашему мнению, термин «сотрудничество» неприменим в отношениях родителей и детей, его следует заменить на «партнерство».

Одним из основополагающих начал позитивного родительства признается принцип участия ребенка в принятии решений, касающихся его прав и интересов. В рамках позитивного родительства внимание должно уделяться и правам родителей, в частности, праву на получение государственной поддержки при осуществлении последними родительских прав и обязанностей.

Полагаем, что, определив позитивное родительство как одно из основных направлений государственной семейной политики, в Семейном кодексе РФ необходимо закрепить основные принципы ответственного (позитивного родительства): взаимоуважения прав родителей и ребенка; признания родителей как равных партнеров при принятии решений, касающихся воспитания и образования ребенка, презумпцию добросовестности родителей, добровольность выбора действий родителей по воспитанию детей, за исключением тех случаев, когда вмешательство органов власти необходимо для защиты ребенка.

Несмотря на достоинства исследуемой концепции, она не относится к исконно русским традициям, внедрить в жизнь принципы позитивного родительства невозможно без разъяснительной работы в данной области, без привлечения средств массовой информации, социальной рекламы, в силу того, что именно в семейной сфере как никакой иной сильны обычаи.

Известный российский психолог Ю.Б. Гиппенрейтер указывал, что в психике ребенка сохраняется ассоциации с родителями и большинство людей воспроизводят поведение собственных родителей, лишь отчасти осознавая, в чем именно заключается правильное воспитание, но и они на практике испытывают

трудности. Родителей надо не только просвещать, но и обучать способам правильного общения с детьми [5. С. 6].

К сожалению, современное российское общество не готово воспринимать принципы позитивного родительства. Так, в Общественном проекте Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [8] (далее — Общественный проект) в качественного основного принципа государственной семейной политики Российской Федерации называется принцип авторитета родительской власти, что является антиподом концепции позитивного родительства, основанной на равенстве, партнерстве родителей и детей.

Думается, что при безусловной важности авторитета родителей, что и подчеркивается в законодательстве, основанием его должна быть не власть, пусть и родительская, а именно взаимное уважение, равенство, партнерство родителей и детей, недопущение давления и приоритетность ни прав родителей, ни прав детей, а только их разумный баланс, авторитет родителей на основе их собственного примера достойного поведения. Сама формулировка «авторитет родительской власти» недопустима, так как подразумевает под собой давление, навязывание своей воли, без учета мнения ребенка.

В Концепцию указанный принцип не вошел, в ней в качестве принципа семейной политики сформулирован принцип «презумпции добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе», который имеет иной смысл и полностью согласован с концепцией позитивного родительства.

В советском семейном праве действовал принцип правильного сочетания правовой охраны интересов родителей и детей, который, по нашему мнению, несколько видоизменив, следует включить в семейное законодательство как принцип разумного баланса прав и интересов родителей и детей.

На современном этапе вектор защиты сместился в сторону приоритета интересов несовершеннолетних детей, оставляя интерес родителей за рамками защиты. Включение взаимоотношений родителей между собой в состав родительских правоотношений способствует защите последних, что особенно важно при раздельном проживании.

Безусловно, нельзя отрицать мнение тех ученых [11. С. 180], которые указывают на необходимость особой защиты государства несовершеннолетних детей по причинам беспомощности и недееспособности последних, однако думается, что родительство в целом нуждается в повышенной государственной охране, что и закреплено в Конституции РФ.

В настоящее время категорией интересов детей оперирует правоприменительная практика, в том числе Пленум Верховного Суда РФ, однако интересы родителей необоснованно оставлены за рамками защиты.

В этом плане М.В. Громоздина верно указывала, что интересы ребенка — это основная, но не единственная забота родителей, родители также имеют право на защиту своих интересов [6. С. 13].

А. Елисеева также обосновывала тезис о необходимости повышения авторитета родительства и обществе и родителей в семье [7. С. 23], в дальнейшем

предлагаемая ученым формулировка «родители должны превратиться из «слуг» детей в их наставников и воспитателей», вошла в общественный проект Концепции.

Профессор А.М. Нечаева, поддерживая приоритетность защиты прав детей, отдельные положения общественного проекта Концепции сочла неприемлемыми, а именно: «изменить подход к определению соотношения прав и обязанностей родителей и детей в семье в целях повышения авторитета родительства» [10. С. 15].

В Общественном проекте одной из причин разрушения традиционной системы семейных ценностей, связанных с взаимоотношениями родителей и детей, называется «привнесение в современную российскую семейную культуру принципа приоритета прав ребенка, понимаемое как приоритет по отношению к правам родителей».

По нашему мнению, при равной необходимости защиты прав и родителей, и детей не должно быть приоритета, важен баланс прав, так как родительские права и права детей в рамках родительских правоотношений не могут существовать раздельно.

При позитивном родительстве дети и родители являются равными партнерами, права ребенка должны соблюдаться, но указанная концепция не говорит об их приоритетности по отношению к правам родителей.

Ученые, предлагающие приоритетность прав ребенка над правами родителей, в обоснование своей позиции ссылаются на одноименную Конвенцию ООН. Тем не менее, в Конвенции ООН о правах ребенка не содержится антитеза прав родителей и детей. В ст. 5 Конвенции о правах ребенка прямо указано, что «государства-участники уважают ответственность, права и обязанности родителей». Статья 18 прямо определяет, что наилучшие интересы ребенка являются предметом основной заботы родителей, однако при этом Конвенция не ставит права ребенка выше прав родителей.

Декларация ООН от 3 декабря 1986 г. «О социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях» в качестве первоочередных задач государств в ст. 1 определяет благополучие семьи и ребенка, в ст. 2 данное положение дополняется положением «благополучие ребенка зависит от благополучия семьи».

Итак, международные акты на первостепенное место ставят именно семью, семейное воспитание, а не приоритетность прав ребенка над правами родителей.

Основой российской семейной политики должна стать поддержка семьи как основной ценности, что уже нашло свое закрепление в международном праве. основополагающее право ребенка — право на воспитание в семье. Противопоставление прав родителей и детей недопустимо. Права ребенка должны иметь приоритет в обществе, но не во внутрисемейных отношениях. Именно в рамках благополучной здоровой семьи, основанной на ответственном родительстве, могут быть реализованы важнейшие государственные задачи по патриотическому воспитанию подрастающего поколения, уважения к истории, традици-

ям, культуре своей страны, ликвидации беспризорности и безнадзорности несовершеннолетних.

В Общественном проекте Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в качестве основных принципов государственной семейной политики предлагались принципы партнерства государства, общества и семьи в воспитании детей, взаимодействия государства и церкви в принятии решений в сфере семейных отношений. При этом в качестве основных задач среди прочих названы защита семьи от незаконного вмешательства в семейную жизнь, социальная защита семьи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации, расширение участия Русской православной церкви, а также других религиозных организаций граждан, исповедующих религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России, иных общественных организаций в принятии решений в сфере семейных отношений.

Данные принципы и задачи могут быть подвергнуты сомнению как способствующие развитию родительских правоотношений.

По нашему мнению, принципы позитивного и ответственного родительства, взаимоуважения тем не менее не должны навязываться в принудительном порядке, государство обязано всячески способствовать их самостоятельному формированию.

Концепция «позитивного родительства» вступает в противоречие с классической педагогикой советского времени, на которой до сих пор базируется современная система образования. В действующей государственной семейной политике европейский институт «позитивного родительства» обозначен как приоритетный, поэтому требуется его внедрение в систему образования, существующая школьная система образования фактически полностью опровергает основополагающие базовые начала позитивного родительства, например, каждый человек уникален.

Думается, что прежде чем утверждать государственную семейную политику России на уровне федерального законодательства, необходимо принять решение о дальнейшем пути развития, определить приоритеты — следование европейским принципам либо возвращение к исконно-русским ценностям.

В советской истории России был сформулирован важнейший нравственный принцип: «взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей». Данный постулат находится вне времени и всегда актуален и злободневен.

Закрепляя тот или иной принцип в праве, следует критически оценивать окружающую действительность. Как было отмечено, существующая система школьного образования полностью опровергает принцип позитивного родительства, в данной связи требуется реформирование системы образования.

Образование и воспитание есть основные обязанности родителей. Для воспитания в семье и вне ее должны быть общие концепции: если семейное воспитание базируется на равноправии и взаимном уважении, то данные принципы должны быть реализованы в государственной системе образования.

Нельзя отрицать, что общение ребенка с другими родственниками важно и нужно, но необходимо всячески поощрять и разъяснять важность осуществле-

ния воспитания именно родителями, а не иными родственниками: бабушками, дедушками и т.д. Так, О.С. Иоффе в качестве одного из прав родителей называл право отдавать детей на воспитание другим лицам [13. С. 233].

А.А. Елисеева, поддерживая данную идею, обращала внимание, что часто встречаются в современной действительности случаи, когда родители не проживают совместно с детьми: нахождения в длительной командировке либо работы в другом городе, стране, длительной болезни и т.д. Она обосновывала необходимость в подобных случаях возможности передачи всего комплекса родительских прав [7. С. 25].

Фактически здесь происходит нарушение конституционной обязанности родителей на воспитание своих несовершеннолетних детей и подмена субъектов родительских правоотношений. Кроме того, мы считаем, что налицо нарушение основополагающего права каждого ребенка жить и воспитываться в семье, имея в виду под семьей круг ближайших родственников — родителей.

В настоящее время необходимы охрана и защита семьи на основе сохранения и укрепления базовых семейных ценностей, повышение роли семьи и родительства в обществе, пропагандирования нравственных начал в семье, ответственного родительства.

Россией были ратифицированы ряд международных правовых актов в сфере защиты прав и интересов детей, что требует приведения национального законодательства в соответствие, в связи с чем должен быть реформирован порядок осуществления родительских прав и обязанностей.

Как отмечается в Концепции совершенствования семейного законодательства [9], необходимо закрепление принципов: уважения прав и обязанностей родителей, руководства ребенком в осуществлении его прав методами, согласующимися с развивающимися способностями ребенка, и обязанности государства оказывать родителям (лицам, их заменяющим) надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей, что полностью соответствует положениям п. 2 ст. 14 и ст. 18 Конвенции ООН о правах ребенка.

При закреплении концепции позитивного и ответственного родительства требуется использование всего богатства правового инструментария, тонкостей юридической техники. В данном случае недостаточно простого закрепления в нормативно-правовом акте. Позитивное ответственное родительство должно быть реализовано в соответствующей модели поведения, с четко определенными правами и обязанностями, а также средствами, обеспечивающими их осуществление.

Подводя итоги вышесказанному, закрепив позитивное (ответственное) родительство в качестве основного направления государственной семейной политики, в качестве научной дефиниции следует определить следующее понятие: родительские правоотношения — вся совокупность личных и имущественных отношений между родителями (лицами, приравненными в своем статусе к родителям) и несовершеннолетними детьми, родителями (лицами, приравненными в своем статусе к родителям) между собой по вопросам, связанным с воспитанием и образованием детей, возникающих из факта кровного родства, решения суда либо иного юридического факта и зарегистрированных в установлен-

ном законом порядке, основанных на принципах взаимоуважения, признания родителей равными партнерами при принятии решений, касающихся воспитания и образования ребенка, добросовестности родителей, добровольности выбора действий родителей по воспитанию детей, за исключением тех случаев, когда вмешательство органов власти необходимо для защиты ребенка.

Традиционно семья — один из самых консервативных социальных институтов, поэтому нововведения в данной сфере происходят крайне медленно.

Современная российская семейная политика направлена на формирование в обществе ценностей семьи, ребенка, ответственного родительства. Для ее реализации необходимо глубокое осмысление родительских правоотношений, исследование теоретических и методологических аспектов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 23. — Ст. 2994.
- [2] Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 35. — Ст. 4811.
- [3] Антонова В.К., Ловцова Н.И., Науменко К.А. Концепция позитивного родительства: российские стейкхолдеры и их потребности. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013.
- [4] Бошко В.И. Очерки советского семейного права / перераб. и доп. В.А. Рясенцевым. — Киев: Госполитиздат УССР, 1952.
- [5] Гиппенрейтер Ю.Б. Общаться с ребенком. Как? — М.: АСТ, 2014.
- [6] Громоздина М.В. Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации. — М.: КонсультантПлюс, 2012.
- [7] Елисеева А.А. Правовое регулирование личных неимущественных отношений в семейном праве Российской Федерации. — М.: Изд-во Междунар. юрид. ин-та, 2009.
- [8] Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года (общественный проект): в 3-х частях / сост. Мизулина Е.Б. и др. — Ч. 1. — М., 2013.
- [9] Концепция совершенствования семейного законодательства. URL: http://nra-russia.ru/akademiya_rekomendacii/koncepciya-sovershenstvovaniya-semeynogo-zakonodatelstva.
- [10] Нечаева А.М. Семейный Кодекс — путь к переменам // Российская юстиция. — 2015. — № 3. — С. 14–18.
- [11] Нечаева А.М. Современная семейная политика и ориентиры ее совершенствования // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: международная научно-практическая конференция / отв. ред. О.Ю. Ильина. — Тверь, Тверской государственный университет, 2015. — С. 177–181.
- [12] Разработка мер по реализации Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы о политике в поддержку позитивного родительства. URL: <http://www.fond-detyam.ru/rechatnye-izdaniya/10970>.
- [13] Советское гражданское право: Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право: Курс лекций. Ч. 3 / отв. ред. Юрченко А.К. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965.
- [14] Сусликов В.Н., Шкилева Н.Л. О правовом статусе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Гражданское право. — 2011. — № 4. — С. 21–25.

- [15] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. — М.: Юридическая литература, 1974.
- [16] Шахова Е.С. Историко-правовой анализ борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью первых лет советской власти // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. — 2013. — № 3. — С. 7–17.
- [17] Шахова Е.С. К вопросу о родительских правоотношениях в теории права // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. История и право. — 2015. — № 2 (15). — С. 14–19.

POSITIVE PARENTING AS GUIDELINES FOR STATE FAMILY POLICY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF PARENTAL LEGAL RELATIONS

V.N. Suslikov, E.S. Shahova

¹ The Department of Civil Law

² The Department of Financial Law, Constitutional, Civil and Administrative Proceedings
Southwestern State University
94, 50 October st., Kursk, Russia, 305040

The article refers to the fact that there is a need to reform family law, including regulatory ancient family relationships — parental relationships. At the present time it requires the development of a conceptual framework for the development of the doctrine of parental legal relationships. At the state level fixed policy to support positive parenting, however, the term «positive parenting» is not clear in the first place by the holders of rights, it is important not only to consolidate the monitoring principle as a fundamental principle of family law in the Family Code of the Russian Federation, but also to produce explanatory and educational work among direct participants of legal relations. Despite the advantages of this concept, it does not belong to the native Russian traditions, it is not possible to implement the principles of positive parenting without the involvement of the media, social advertising, due to the fact that traditions are the most strong in family sphere.

Key words: parents, positive parenting, responsible parenthood, parental relationship, the minor children, the state family policy.

REFERENCES

- [1] Ukaz Prezidenta RF ot 1 ijunja 2012 g. № 761 «O Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gody» [Presidential Decree of 1 June 2012, № 761 «On the National Strategy of Action for Children for 2012 — 2017»] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Laws of the Russian Federation]. — 2012. — № 23. — St. 2994.
- [2] Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 25.08.2014 № 1618-r «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [Order of the Government of the Russian Federation from 25.08.2014 № 1618-r «On Approval of the Concept of the State Family Policy in the Russian Federation for the period till 2025»] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of Laws of the Russian Federation]. — 2014. — № 35. — St. 4811.
- [3] Antonova V.K., Lovcova N.I., Naumenko K.A. Konceptija pozitivnogo roditel'stva: rossijskie stekholdersy i ih potrebnosti [The concept of positive parenting: Russian stakeholders and their needs]. — M.: OOO «Variant», CSPGI, 2013.
- [4] Boshko V.I. Oчерki sovetskogo semejnogo prava [Sketches of the Soviet family law] / pererab. i dop. V.A. Rjasancevym. — Kiev: Gospolizdat USSR, 1952.

- [5] *Gippenrejtser Ju.B.* Obshhat'sja s rebenkom. Kak? [Communicate with your child. How?] — M.: AST, 2014.
- [6] *Gromozdina M.V.* Osushhestvlenie roditel'skih prav pri razdel'nom prozhivanii roditel'ej po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii [Exercise of parental authority when the parents live under the laws of the Russian Federation]. — M.: Konsul'tantPljus, 2012.
- [7] *Eliseeva A.A.* Pravovoe regulirovanie lichnyh neimushhestvennyh otnoshenij v semejnom prave Rossijskoj Federacii [Legal regulation of personal relations in the family law of the Russian Federation]. — M.: Izd-vo Mezhdunar. jurid. in-ta, 2009.
- [8] Konceptija gosudarstvennoj semejnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (obshhestvennyj proekt): v 3-h chastjah [The concept of state family policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (public project) in 3 parts] / sost. Mizulina E.B. i dr. — Ch. 1. — M., 2013.
- [9] Konceptija sovershenstvovaniya semejnogo zakonodatel'stva. Available at: http://nra-russia.ru/akademiya_rekomendacii/konceptiya-sovershenstvovaniya-semejnogo-zakonodatelstva.
- [10] *Nechaeva A.M.* Semejnij Kodeks — put' k peremenam [Family Code — the path to change] // Rossijskaja justicija [Russian justice]. — 2015. — № 3. — S. 14–18.
- [11] *Nechaeva A.M.* Sovremennaja semejnaja politika i orientiry ee sovershenstvovaniya [Modern family policy, and guidance for its improvement] // Semejnoe pravo i zakonodatel'stvo: politicheskie i social'nye orientiry sovershenstvovaniya. Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija. Tverskoj gosudarstvennyj universitet [Family Law and the Law: Social and Political benchmarks improvement. International scientific-practical conference. Tver State University] / otv. red. O.Ju. Il'ina. — Tver', 2015. — S. 177–181.
- [12] Razrabotka mer po realizacii Rekomendacij Komiteta Ministrov Soveta Evropy o politike v podderzhku pozitivnogo roditel'stva. Available at: <http://www.fond-detyam.ru/pechatnye-izdaniya/10970>.
- [13] Sovetskoe grazhdanskoe pravo: Pravootnoshenija, svjazannye s produktami tvorcheskoj dejatel'nosti. Semejnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Kurs lekcij. Ch. 3 [Soviet civil law: The legal relations related to the products of creative activity. Family law. Inheritance law. Lecture course. Part 3] / otv. red. Jurchenko A.K. — L.: Izd-vo Leningr.un-ta, 1965.
- [14] *Suslikov V.N., Shkileva N.L.* O pravovom statuse detej-sirov i detej, ostavshih'sja bez popechenija roditel'ej [On the legal status of orphans and children left without parental care] // Grazhdanskoe pravo [Civil law]. — 2011. — № 4. — S. 21–25.
- [15] *Halfina R.O.* Obshhee uchenie o pravootnoshenii [General theory of Relationship]. — M.: Juridicheskaja literatura, 1974.
- [16] *Shahova E.S.* Istoriko-pravovoj analiz bor'by s detskoj besprizornost'ju i beznadzornost'ju pervyh let sovetskoj vlasti [Historical and legal analysis to combat child homelessness and neglect of the first years of Soviet power] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Jurid. Nauki [Bulletin of Russian Peoples' Friendship University. Ser. Jurid. science]. — 2013. — № 3. — S. 7–17.
- [17] *Shahova E.S.* K voprosu o roditel'skih pravootnoshenijah v teorii prava [On the question of legal relationships in the theory of parental rights] // Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija i pravo [Proceedings of the South-Western State University. Ser. History and Law]. — 2015. — № 2 (15). — S. 14–19.

ОСНОВНЫЕ ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ В ОТНОШЕНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

А.Н. Ниязова

Кафедра гражданского права и процесса
Киргизско-Российский Славянский университет
просп. Чуй, 42, Бишкек, Киргизская Республика, 720065

В статье рассмотрены методы познания, релевантные для исследования взаимодействия частных и публичных интересов в реализации права собственности на землю. Автор считает, что наиболее абстрактный уровень методологии, т.е. философский, является базисным для всех остальных. Так, для концептуализации путей гармонизации частных и публичных начал требуется философскую категорию «интерес» протестировать на разных уровнях исследовательского процесса. Автор обосновывает необходимость применения диалектического метода, обнаруживающего взаимодействие противоположных по духу начал в регулировании отношений — частного и публичного. Абстракция также используется как релевантный прием в рамках предмета исследования, поскольку конструкции собственности представляют формализованные размышления о фактически существующих объектах материального мира, возводя их от материальной оболочки к теоретизированным конструкциям. Метод моделирования отмечен автором как эффективный для создания моделей нормативных правовых актов. Ключевым признается системный метод, позволяющий рассмотреть земельный участок как объект права собственности применительно к общим положениям о системе объектов гражданских прав и природных объектов. Помимо перечисленных общих методов автор релевантными методами признает следующие: структурно-функциональный, системного анализа, гипотетико-дедуктивный. Они позволяют рассмотреть публичные и частные начала с позиции их функционального назначения и соответствующих характеристик; взаимодействия; с точки зрения их места и роли в правовом регулировании; а также с позиции построения на их основе гипотез и посылок. Автором делается вывод о том, что достоверность результатам исследования придают не только релевантные объекты, в нашем случае отношения собственности на землю и реализация частных и публичных интересов, но и ассортимент, и комбинаторика исследовательских приемов в их взаимодействии.

Ключевые слова: гносеология, методология, эпистемология, методы, философский метод, диалектический метод, метод абстракции, метод моделирования, системный метод, структурно-функциональный, системного анализа, гипотетико-дедуктивный, собственность, земельные участки, частные интересы, публичные интересы.

Типология знания как познавательной единицы гносеологического таксона производится по различным основаниям в зависимости от исследовательской установки. Особый интерес из всех разновидностей знаний представляет для нас именно научное знание как средство для создания единой системы понятий и категорий, используемых для отражения правовой действительности в соответствующих нормах и правилах. Процесс получения такого знания и составляет суть исследовательской работы.

В свою очередь, эффективность научного познания любого явления объективной действительности, в том числе публичных и частных начал в отношении

ях собственности на землю, зависит от инструментария, применяемого в исследовательской деятельности.

Говоря о методах познания, используемых для получения научного знания в области правовой действительности, отметим их разнообразие и различие в степени эффективности в зависимости от исследуемого объекта.

Мы полагаем, что понимание методологии как общей теории метода имеет значение для формирования целостного гносеологического подхода к пониманию окружающей действительности. Для частных познавательных процессов интерес представляет сам набор используемых приемов, тогда как общая теория метода является лишь основанием, на котором базируется понимание каждого отдельного метода, определяется их взаимосвязь друг с другом и взаимозависимость. В этом контексте рассмотрим более подробно методологию юридической науки как совокупность гносеологически предопределенных, взаимосвязанных методов познания.

Методологию принято делить на общую и частную. В изданной в 1996 г. «Философии и методологии науки» общая методология отнесена к области философии, а частная — к сфере отдельных частных наук. Соответственно, первая рассматривает методы, общие для всех наук, вторая же — методы конкретных наук и их групп. Следовательно, методология представляет собой многоуровневое эпистемологическое явление.

В соответствии с уровнями методологии позволительно выделить относительно самостоятельные группы методов, расположенные от конкретных к общим: дисциплинарные, междисциплинарные, частнонаучные, общенаучные, философские. Очевидно, что каждый уровень методологии имеет известную степень автономности и логически не выводится из других. Тем не менее, наиболее абстрактный уровень методологии, т.е. философский, рассматривается в качестве базисного для всех остальных [4. С. 61].

Разграничение публичных и частных начал в регулировании отношений собственности на землю предполагает наличие в его основе базовой философской категории «интерес». Для концептуализации путей гармонизации частных и публичных начал требуется философскую категорию «интерес» протестировать на разных уровнях исследовательского процесса. В результате мы получаем теоретически выверенную правовую категорию «интерес». В указанных манипуляциях философский метод познания является ключевым.

Существование многоуровневой методологии обусловлено обстоятельством столкновения ученого на разных этапах исследования с достаточно непростыми конструкциями и ситуациями, являющимися объектами познания. В этой связи обнаруживается тенденция усиления эпистемологических поисков как в самой науке, так и отдельных ее сферах [3. С. 8].

Для современной науки, в том числе юридической, особое значение приобретает диалектический метод. Он опирается на следующие принципы: объективность рассмотрения; всесторонность рассмотрения; конкретность рассмотрения; историзм рассмотрения; противоречивость рассмотрения.

Применительно к изучаемому предмету и объекту нашего исследования переоценить значение диалектического метода невозможно. Публичные и част-

ные начала являются взаимосвязанными и взаимообусловленными составными частями единого правового потока, которые находятся одновременно в единстве и противоположности по отношению друг к другу. Адекватная расстановка и применение основных диалектических принципов является единственным условием правильности выводов, которые могут быть получены в рамках настоящего исследования. Таким образом, диалектический метод является для нашего исследования единым, сквозным, поскольку нами изучаются взаимосвязи, взаимопроникновения, взаимозависимости и взаимодействия двух противоположных по духу начал в правовом регулировании общественных отношений — частного и публичного. Именно использование основных законов диалектики позволяет проследить базовые начала и направления развития публично- и частноправовых сфер в реализации права собственности на землю.

Нужно отметить, что получение научной абстракции или сформулированного в общем виде теоретического положения не является самоцелью процесса познания, будучи, по сути, лишь средством для более глубокого осознания конкретного явления или объекта. Однако знание о конкретном объекте, получаемое на этапе познания в рамках исследования, приобретет качественно иные содержание и форму по сравнению с теми, которые можно было наблюдать на уровне чувственного познания. Логически-конкретное представляет собой абстрактно отраженное в сознании ученого конкретное во всем богатстве его содержания. При этом отраженное включает в себя помимо эмоционально воспринимаемого также что-то неявное, недоступное чувственному восприятию, нечто существенное, закономерное. Оно постигается только посредством теоретического мышления и выработанных на его основе абстракций [3. С. 45].

Следует отметить, что абстракция как таковая является общим методом познания для всех объектов правовой действительности, потому что юридическая наука характеризуется наивысшей степенью абстрактности, оперируя категориями, сформулированными на основе абстрактного восхождения.

Что касается применения метода абстракции к предмету исследования в рамках настоящей работы, то отметим, что наиболее эффективно данный метод применяется при рассмотрении вопросов о правовой природе и сущности права собственности. Именно конструкции права собственности характеризуются наибольшей степенью абстрактности, поскольку представляют собой формализованные размышления о фактически существующих объектах материального мира, возводя их от материальной оболочки к теоретизированным конструкциям.

Необходимо отметить, что метод аналогии достаточно успешно применяется в правовой сфере и позволяет сделать определенные выводы путем формулирования соответствующих умозаключений. В рамках исследуемого вопроса метод аналогии применяется для изучения правовых явлений и объектов, имеющих схожие черты. В частности, этот метод использовался при изучении вопроса о правовой природе искусственно создаваемого земельного участка.

Отметим, что моделирование как метод находит свое применение в такой части научного исследования, как создание системы рекомендательных положений, например, в виде статей и норм. Это позволяет создать относительно

идеальную модель правового регулирования тех или иных отношений. Данный метод весьма эффективен при создании моделей тех или иных нормативных правовых актов, которые будут в дальнейшем составлять базу нормативного регулирования рассматриваемых общественных отношений.

Системный подход представляет собой сочетание познавательных возможностей, позволяющих субъекту исследования понять и раскрыть целостность объекта и механизмов, направленных на обеспечение его целостности, выявить многообразные типы взаимосвязи внутри т.н. сложного объекта и объединить их в единую теоретически обоснованную картину.

В данном случае, учитывая предмет и объект настоящего исследования, можно признать, что системный подход является одним из ключевых в изучении публичных и частных начал правового регулирования. Публичные и частные начала в праве предполагаются как составные элементы единой системы. Это предположение дает основание для использования системного подхода. Системный подход позволяет рассмотреть все элементы, составляющие общую структуру правовой системы, во взаимосвязи. В частности, данный подход был использован при рассмотрении земельного участка как объекта права собственности применительно к общим положениям о системе объектов гражданских прав и природных объектов. Кроме того, отдельные приемы системного подхода были реализованы при изучении вопроса о праве собственности в контексте общего учения о вещных правах.

Структурно-функциональный (структурный) метод зачастую может быть рассмотрен в качестве разновидности системного подхода. Такой метод позволяет сориентировать исследовательский процесс на выявление внутренней структуры системы, то есть системы устойчивых, стабильных отношений и взаимосвязей между ее элементами и их функций относительно друг друга. При этом отличительной особенностью структуры в рассматриваемом контексте является то, что структура понимается как явление инвариантное даже при наличии определенных преобразований, а функция в данном случае рассматривается как предназначение каждого элемента для определенного действия.

Использование данного метода в рамках исследования предполагает применение следующих требований:

- изучение строения, структуры системного объекта;
- исследование его элементов и их функциональных характеристик;
- анализ изменения этих элементов и их функций;
- рассмотрение развития системного объекта в целом;
- представление объекта как гармонически функционирующей системы, все элементы которой «работают» на поддержание этой гармонии [1. С. 9].

Необходимо обратить внимание на то, что данный метод также находит свое активное применение в рамках исследования, поскольку изучаемые правовые явления — публичные и частные начала в отношениях собственности на землю — рассматриваются с позиции их структурно-функционального назначения и соответствующих характеристик.

Весьма характерным методом для современной науки является метод системного анализа, который представляет собой важнейший раздел актуальной

прикладной методологии и предполагает задействование методов и процедур, почерпнутых из современной научной мысли.

Метод системного анализа основан на применении следующих базовых приемов:

- процесс принятия решений должен начинаться с выявления и четкого формирования конечных целей;
- необходимо рассматривать всю проблему как целое, как единую систему и выявлять все последствия и взаимосвязи каждого частного решения;
- выявление и анализ возможных альтернативных путей достижения цели;
- цели отдельных подразделений не должны вступать в конфликт с целями всей программы.

Центральной процедурой системного анализа является построение обобщенной модели, в которой будут отображены все факторы и взаимосвязи, наблюдающиеся в реальной ситуации, проявляющиеся в процессе осуществления решений. «Полученная модель исследуется с целью выяснения близости результата применения того или иного из альтернативных вариантов действий к желаемому, сравнения затрат ресурсов по каждому из вариантов, уточнения ее чувствительности к различным нежелательным внешним воздействиям» [4. С. 22].

Нужно отметить, что метод системного анализа также достаточно эффективен в рамках нашего исследования, поскольку проблемы взаимодействия частных и публичных начал в правовом регулировании отношений собственности на землю рассматриваются с точки зрения функционального предназначения каждого из имеющихся правовых регуляторов.

Применение метода системного анализа обоснованно в тех случаях, когда исследователю необходимо принять решение в условиях общей гносеологической неопределенности, обусловленной присутствием факторов, не поддающихся точной количественной оценке и учету. Системный анализ, его процедуры и методы построены таким образом, чтобы дать исследователю возможность выдвинуть альтернативные варианты решения проблемы, масштабы неопределенности по каждому из заявленных вариантов и в дальнейшем сопоставить варианты по тем или иным критериям эффективности.

В последние годы активно в различного рода исследованиях применяется гипотетико-дедуктивный метод. Этот исследовательский прием заключается в том, что заключения строятся из предположений и других посылок, об истинности которых нам неизвестно. В силу этого гипотетико-дедуктивный метод позволяет получить вероятностное знание. Различные типы посылок дают возможность классифицировать гипотетико-дедуктивные рассуждения на следующие группы:

1) наиболее многочисленная группа рассуждений, где посылками являются гипотезы и эмпирические обобщения;

2) посылки, которые состоят из утверждений, противоречащих либо точно установленным фактам, либо теоретическим принципам. Выдвигая такие предположения как посылки, исследователь способен вывести из них следствия, противоречащие известным фактам, и на этом основании убедить в ложности предположения;

3) посылками служат утверждения, противоречащие принятым мнениям и убеждениям [2. С. 61].

При необходимости изучения сложных объектов, находившихся в процессе длительного исторического развития, целесообразно воспользоваться возможностями исторического и логического методов.

Логический и исторический методы познания являются одними из наиболее распространенных в научной деятельности и рассматриваются как приемы построения концепции теоретических знаний. Заметим, что эмпирические описания производятся не только посредством исторического метода, а теоретические приемы достигаются не только благодаря применению логического метода.

Вышерассмотренные эпистемологические методы в нашем исследовании вопросов гармонизации частных и публичных интересов в реализации права собственности на землю применяются исключительно во взаимодействии. Достоверность результатам исследования придают не только релевантные объекты, в нашем случае отношения собственности на землю и реализация частных и публичных интересов, но и ассортимент, и комбинаторика исследовательских приемов в их взаимодействии. Их определенная системная организация обусловлена спецификой исследуемого объекта, а также характерными особенностями того или иного этапа исследования.

Признано, что процесс развития науки является постоянным, соответственно, перманентно развивается и совершенствуется система научных методов, формируются новые приемы и способы исследовательской деятельности, позволяющие обеспечить продуктивность исследований. Более того, в теории эпистемологии появляются методологические смеси, ориентированные на практический результат, исключающий сомнения в исследовательской гипотезе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Антонов Е.А. *Философский метод познания в контексте современной культуры*. — Белгород, 2006.
- [2] *Границы науки: О возможности альтернативных моделей познания*. — М., 1991.
- [3] Некрасов С.И. *Методы научного познания*. — М., 2012.
- [4] *Философия и методология науки* / под ред. В.И. Купцова. — М., 1996.

EPISTEMOLOGICAL APPROACHES TO THE RESEARCH OF PUBLIC AND PRIVATE BASES IN RELATIONSHIPS OF LAND PROPERTY

A.N. Niyazova

The Department of Civil Law and Process
Kyrgyz-Russian Slavonic University
42, Chui ave., Bishkek, Kyrgyz Republic, 720065

The article examines methods of knowledge relevant to the study of interaction of private and public interests in the implementation of land ownership rights. The author's starting point is the statement that most abstract level of philosophical methodology is most applicable to the conceptualizing key terms and categories in the legal study. For example, conceptualizing ways of harmonizing the private and the public began to require a philosophical category «interest» test at various levels of the research process. The author has stated the necessity of employment of the dialectical method in order to detect interaction of the contradictory basics in regulation of public and private relations. Abstraction in current study is also employed as a relevant tool, because of their own design are formalized thinking about actually existing objects of the material world, elevating them from the material nature to theorize structures. The simulation method is considered by the author as an effective model for the creation of normative legal acts. The systematic method accepted as the key method, because it allows to consider the land as an object of property rights in relation to the general provisions on the system of objects of civil rights and natural sites. In addition to these common methods, the author recognizes the following relevant methods: structural and functional, system analysis, hypothetical-deductive. They allow to see the beginning of the public and private in terms of their functionality and related characteristics; interaction; in terms of their place and role in the legal regulation; as well as their position on the basis of constructing hypotheses and parcels. The author concludes that the reliability of the results of the study lend not only relevant objects, in this case property relations to land and the implementation of public and private interests, but also the range, and combinatorial research techniques in their interaction.

Key words: epistemology, methodology, epistemology, methods and philosophical method, the dialectical method, method of abstraction, modeling method, systematic method, structural-functional, system analysis, hypothetical-deductive, property, land, private interests and public interests.

REFERENCES

- [1] *Antonov E.A.* Filosofskij metod poznanija v kontekste sovremennoj kul'tury [The philosophical method of cognition in the context of contemporary culture]. — Belgorod, 2006.
- [2] *Granicy nauki: O vozmozhnosti al'ternativnyh modelej poznanija* [Boundaries of Science: On the possibility of alternative models of cognition]. — M., 1991.
- [3] *Nekrasov S.I.* Metody nauchnogo poznanija [Methods of scientific knowledge]. — M., 2012.
- [4] *Filosofija i metodologija nauki* [Philosophy and Methodology of Science] / pod red. V.I. Kupcova. — M., 1996.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Е.Е. Фролова

Кафедра административного и финансового права
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена одной из основ формирования гражданского общества — теории разделения властей, истории ее возникновения. В статье уделяется внимание истории формирования понятия «гражданское общество» в силу того обстоятельства, что идея разделения властей занимает одно из ключевых мест в теории демократии, гражданского общества, правления права, конституционализма, федерализма. Выделяются и раскрываются три основные сферы реализации принципа разделения властей. Особо подчеркивается, что в условиях реального разделения властей контрольная или управленческая функции государства не могут иметь самостоятельного политико-властного характера. В статье выводится тезис, что разделение властей — это система государственно-правовых институтов, позволяющих сочетать демократичность государственных институтов со стабильностью государственной власти.

Ключевые слова: гражданское общество, разделение властей, ветви государственной власти, правовое государство, демократия, конституционализм.

Правовое обеспечение формирования гражданского общества зиждется на основе теории разделения властей, возникшей как теория контроля и равновесия политической власти в обществе. Общая идея разделения властей имеет древнюю традицию, находит свое отражение в различных политических условиях и концепциях [1. С. 144–145]. Идея разделения властей занимает одно из ключевых мест в теории демократии, гражданского общества, правления права, конституционализма, федерализма.

Гражданское общество как реальность и само его понятие возникли и развивались в лоне европейской цивилизации. Основы этого понятия исследователи усматривают в понятии «*κοινωνια πολιτικη*», которое использовалось еще Аристотелем и его последователями. Мы наблюдаем позднее разнообразные теологические и иные раннефеодальные и последующие адаптации этого термина, а воззрения на политическое и гражданское общество, государство и их соотношение можно найти затем в трудах таких западноевропейских мыслителей, как Боден, Гоббс, Локк, Монтескье, Вольтер и Фихте. Создателем собственно теории гражданского общества многие считают Гегеля, который видел в нем преж-

де всего сферу между государством и семьей. Однако именно в XX в. концепция гражданского общества выдвигается в центр научной и общественно-политической мысли [2. С. 147].

Развитие идеи разделения властей выглядит как последовательный теоретический и институциональный поиск рационального, справедливого, правового, эффективного государственно-властного механизма, принципов его организации. В основе идеи разделения властей лежит мысль об эффективном разделении труда в общественном управлении, достижении социального компромисса, обеспечения законности, прав и свобод человека, правового характера государства, демократического режима.

Научно-теоретическому воплощению идеи разделения властей предшествует накопление знания об объекте, теоретические разработки, предположения, гипотезы. Постепенно совокупность разнородных, мало связанных эмпирических данных путем абстрагирования и обобщения трансформируется в стройную систему [2. С. 146–148]. Философская идея, обосновывавшая необходимость преобразования государственных институтов и методов правления, воплотилась в систему правовых норм, регулирующих формы и способы осуществления власти в государстве. Современная концепция разделения властей стремится к системному анализу механизма власти, его движущих сил, структуры, функций. Проблемы организации государственной власти не сводятся лишь к рассмотрению соотношения органов государства, а выступают как проблемы структуры и функционирования политической системы в целом.

Концепция разделения властей отказалась от логики теории абсолютного суверенитета, согласно которой политическая власть должна быть практически неконтролируемой. Согласно концепции разделения властей, всевластие «большинства» столь же губительно для общества, как и деспотия. Теория разделения властей противостоит и принципу разделения труда в государственном управлении.

Низведя разделение властей исключительно к рациональной административной организации, невозможно обеспечить гарантии свободы общества и индивида перед лицом власти [3. С. 169–172].

Понятие разделения властей, установление его сущности как правовой категории основывается, исходя из характерного для современной кротологии (науке о власти) общесоциологического понимания власти как социального института, закрепляющего межиндивидуальное взаимодействие в обществе.

Следует выделить три основные сферы реализации принципа разделения властей: гражданское общество-государство; функционирование государственного механизма; взаимоотношения федерального центра и субъектов федерации. При анализе первой из них указывается, что свободу от вмешательства государства и его органов в определенные «гражданские» сферы можно рассматривать как разделение властей в системе социального саморегулирования. В данном случае фиксируется не раздробленность власти, не наличие множества независимых, обособленных центров власти в обществе, а констатируется некоторое качественное состояние властных отношений в обществе, возможное на-

ряду с другими состояниями этих отношений. Понятие «разделение властей» применяется здесь как характеристика ограниченного и подконтрольного функционирования власти в обществе, определенного режима организации и осуществления власти, формы социального управления, способа организации взаимодействия субъектов социального управления, структуры связей между людьми при выполнении управленческих функций.

Основой властных отношений становится право. Государство теряет облик чуждой обществу силы, приверженной насилию и подавлению личной инициативы. Государство обретает черты «арбитра», регулирующего социальные взаимосвязи. Общество функционирует одновременно как управляемая государством и как саморегулирующаяся система, а государство — как управляющая система, которая находится в зависимости от самоуправляющегося общества и его потребностей. Политическая власть в определенном смысле оказывается разделенной, распределенной среди различных участников политического процесса. В практическом плане речь идет о механизме использования государства как фактора общественной «интеграции», где разделение властей есть органическое выражение демократии, мера демократизма всей политической системы.

Очевидно, что общественное саморегулирование и господство права возможны лишь при особых способах и формах организации государственной власти. Народ, будучи не в состоянии непосредственно осуществлять власть в полном объеме, может и должен предоставить ее реализацию трем независимым «силам», разделить государственную власть на три самостоятельные ветви, функционирующие в рамках единого правового пространства. Именно распределение властных полномочий между различными ветвями государственной власти, социальными группами служит целям развития демократии, законности, защите прав и свобод человека.

Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти обособились в процессе разделения труда по управлению обществом. Имея свою природу и свое юридическое обоснование, они отчетливо обозначились как три основополагающие институционально-правовые формы публично-властной деятельности при выполнении государством своей правовой задачи и проявились в специфических организационно-правовых формах. Особо подчеркнем, что в условиях реального разделения властей контрольная или управленческая функции государства не могут иметь самостоятельного политико-властного характера.

Разделение властей — теоретико-правовая конструкция, идеальная модель, отражающая сложное структурно-системное строение и существенные признаки организации и функционирования политической власти. Понятие «разделение властей» — результат научной абстракции, полученный путем абсолютизации должных связей элементов социального управления. Но это не просто модель, созданная в познавательных целях, не фикция или «специфическая метафора», а идеализированное отражение общего в правовых предписаниях, регулирующих властеотношения.

Понятие «разделение властей» акцентирует внимание на положении и соотношении основных элементов государственной власти. Его главное назначе-

ние — внесение логической связанности в комплекс правовых норм, определяющих статус субъекта власти, формы, методы и способы властной деятельности. Тем самым глубже постигается сущность соответствующих норм, они лучше увязываются в одно целое, что придает им некое новое качественное понимание [4. С. 9–13].

Правовое обеспечение формирования гражданского общества в форме разделения властей, будучи закрепленным в тексте Конституции, обретает нормативный характер. Для «разделения властей» как нормы-принципа характерна некоторая гипотетичность, но преломленная в конкретных нормах закона, решениях Конституционного Суда, она обретает насыщенное и детализированное значение. Разделение властей — это система государственно-правовых институтов, позволяющих сочетать демократичность государственных институтов со стабильностью государственной власти.

Говоря о роли гражданского общества в развитии нашего государства, можно сказать, что по сути роль гражданского общества определяющая. Она крайне значима не только для достижения поставленных экономических ориентиров, но и для реализации мер социальной политики. Наше гражданское общество зарождалось в многообразных событиях последних нескольких десятилетий. Но то, что оно сегодня является важным элементом политической жизни — это неоспоримый факт.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Фролова Е.Е. Гражданское общество: история, реалии, перспективы // Экономика образования. — 2008. — № 4.
- [2] Фролова Е.Е. Генезис и эволюция концепций гражданского общества // Экономика образования. — 2008. — № 4.
- [3] Miroshnichenko O.I. Legal mentality as a means to overcome formal legal nihilism in Russian society // Asian Social Science. — 2014. — Vol. 10. — № 19.
- [4] Frolova E.E., Vojkova N.A. Some questions of the theory of separation of the authorities in Russian Federation // Science and civilization. Materials of the XI International scientific and practical conference / ed. by Michael Wilson. — 2015. — Vol. 7.

TO A QUESTION OF LEGAL REGULATION OF FORMATION OF CIVIL SOCIETY

E.E. Frolova

The Department of Administrative and Financial Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklya st., Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to one of the foundations of the formation of civil society — the theory of separation of power, the history of its occurrence. The article focuses on the history of the formation of the concept «civil society» due to the fact that the idea separation of power is one of the key places in the theory of democracy, civil society, the rights of government, constitutionalism, federalism. Are allo-

cated and opened three main areas of implementation of the principle of separation of powers. It is emphasized that in a real separation of powers, control or management functions of the state can not have an independent political and imperious nature. In this article appears the thesis that the separation of powers — is a system of state and legal institutions, enabling the combination of democratic state institutions to the stability of state power.

Key words: civil society, separation of powers, government branches, legal state, democracy, constitutionalism.

REFERENCES

- [1] *Frolova E.E.* Grazhdanskoe obshhestvo: istorija, realii, perspektivy [Civil Society: Origins, realities and prospects] // *Jekonomika obrazovanija* [Economics of education]. — 2008. — № 4.
- [2] *Frolova E.E.* Genezis i jevoljucija koncepcij grazhdanskogo obshhestva [Genesis and evolution of concepts of civil society] // *Jekonomika obrazovanija* [Economics of education]. — 2008. — № 4.
- [3] *Miroshnichenko O.I.* Legal mentality as a means to overcome formal legal nihilism in Russian society // *Asian Social Science*. — 2014. — Vol. 10. — № 19.
- [4] *Frolova E.E., Vojkova N.A.* Some questions of the theory of separation of the authorities in Russian Federation // *Science and civilization. Materials of the XI International scientific and practical conference* / ed. by Michael Wilson. — 2015. — Vol. 7.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР, ВВЕДЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЕЕ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ НЕКОТОРЫМИ ИНТЕГРАЦИОННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ И ЗАРУБЕЖНЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ

А.А. Клишас

Кафедра конституционного права и конституционного судопроизводства
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье приведен политико-правовой анализ комплекса ограничительных мер (санкций), введенных в отношении Российской Федерации, ее граждан и юридических лиц некоторыми интеграционными объединениями и зарубежными государствами, такими как Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, Швейцарская Конфедерация, Австралийский союз в связи с принятием на основании результатов волеизъявления жителей полуострова Крым в состав России Республики Крым и города Севастополь на правах новых субъектов Российской Федерации — Республики Крым и города федерального значения Севастополь соответственно. В статье также рассмотрены ограничительные меры, введенные Россией в отношении ряда зарубежных государств и носящие «ответный», направленный на превенцию дальнейшего развития ухудшения межгосударственных отношений характер. Автор констатирует, что вводимые государствами ограничительные меры, как правило, являются оказывающими негативное влияние в первую очередь именно для государств, которые вводят такие санкционные меры, при этом ставя своей целью изменение политического вектора того или иного государства. В статье делается вывод, что несмотря на некоторые положительные тенденции развития российской политической, экономической и социальной сфер в рамках «санкционного режима», большинство политических деятелей Российской Федерации рассчитывают на разрешение сложившейся ситуации посредством дипломатического диалога исходя из позиций рациональности в подходе к выстраиванию межгосударственных отношений, а равно с этим, безусловно, исключительно в рамках уважения международно-правовых принципов и норм.

Ключевые слова: Российская Федерация, Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки, ограничительные меры, санкции.

В связи событиями, начало которым было положено в ноябре 2013 г., и в завершение которых был осуществлен противоречащий правопорядку Украины «захват» власти, выраженный в том числе в проведенном вне соответствия законодательно закрепленным механизмам отстранении Президента Украины от должности (без соблюдения конституционно-закрепленной процедуры импич-

мента («імпічмент»)) и избрании нового президента государства, а равно с этим, вследствие принятия на основании волеизъявления жителей Крымского полуострова в состав Российской Федерации Республики Крым и образования на территории России двух новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополь, — Европейским Союзом, Соединенными Штатами Америки, рядом иных государств в отношении некоторых физических лиц, являющихся гражданами Российской Федерации, а также отдельных юридических лиц, государством регистрации которых является Россия, были введены ограничительные меры или санкции («restrictive measures», «sanctions»).

Ограничительные меры были введены указанными ранее государствами и Европейским Союзом в связи с тем, что, по мнению компетентных органов таких государств и Европейского Союза, некоторые граждане Российской Федерации принимали участие в «подрыве территориальной целостности и государственного суверенитета Украины» (1). Санкции были введены и в отношении ряда юридических лиц, также, по мнению вводивших ограничительные меры сторон, имеющих отношение к ситуации, сложившейся в Украине, а равно с этим, юридических лиц — субъектов конкретно-определенной экономической отрасли — в рамках введения так называемых отраслевых санкций.

Ограничительные меры, введенные в отношении Российской Федерации, физических и юридических лиц, можно дифференцировать по характеру предполагаемого при введении воздействия на следующие типы:

- ограничительные меры, направленные на уменьшение международного взаимодействия с Российской Федерацией;
- ограничительные меры, заключающиеся в запрещении въезда на территорию ряда государств лицам, в отношении которых были введены санкции;
- ограничительные меры, связанные с ограничением правомочий собственника в рамках права собственности на имущество, принадлежащее лицам, в отношении которых были введены санкции и находящееся на территории некоторых иностранных государств;
- ограничительные меры, связанные с запретом поставки для реализации проектов на территории Российской Федерации некоторых видов товаров;
- ограничительные меры, связанные с ограничением финансового взаимодействия с российскими физическими и юридическими лицами.

Первым государством, принявшим решение о введении ограничительных мер в отношении Российской Федерации, стали Соединенные Штаты Америки.

Так, 6 марта 2014 г. Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама издал Указ 13660, а 17 и 20 марта Указы 13661 и 13662 соответственно, во исполнение которых, а также с целью установления более детального регулирования Управлением по контролю за иностранными активами Казначейства Соединенных Штатов Америки было принято Постановление 31 CFR part 589.

Указанными актами для ряда физических и юридических лиц устанавливается ограничение в отношении права пользования и распоряжения всем находящимся на территории Соединенных Штатов Америки имуществом (движимым и недвижимым). Все операции по отчуждению собственности, совершае-

мые каким бы то ни было способом физическими лицами, прямо или косвенно, по мнению Управления по контролю за иностранными активами, принимавшими участие в «противодействии становлению демократических институтов» в Украине, а равно с этим реализовывавшим действия, угрожающие миру, безопасности и стабильности в Украине, а также юридические лица, участниками которых являются такие физические лица, в отношении которых, наравне со всем прочим, были введены ограничительные меры, признаются недействительными. При этом изъятия из указанного ранее правила установлены в отношении:

- совершения отчуждения собственности в отсутствие наличия намерения нарушить установленный запрет на ее отчуждение (невиновное нарушение предписания);

- совершения отчуждения собственности лицу, которое, при учете всех доступных такому лицу фактов и обстоятельств, не могло знать о запрете, установленном в отношении отчуждаемой собственности, а, равно с этим, в случае отчуждения собственности лицу, которое предполагало, что у другой стороны сделки наличествует надлежащим образом полученное разрешение на осуществление такой сделки;

- совершения отчуждения собственности в нарушение установленных правил при незамедлительном уведомлении Управления по контролю за иностранными активами Казначейства Соединенных Штатов Америки о такой сделке.

Право распоряжения и пользования имуществом лицами, в отношении которых введены санкции, ограничивается в отношении следующих типов активов:

- финансовых активов (денежных средств, средств, размещенных: на банковских депозитах — юридическими лицами, в качестве банковских вкладов — физическими лицами, средств по долговым обязательствам, ценных бумаг, иных финансовых инструментов), размещенных в банках, включенных в банковскую систему Соединенных Штатов Америки, иных кредитных организациях Соединенных Штатов Америки, осуществляющих размещение средств клиентов с целью получения последними рентного дохода (процентов по таким размещенным средствам), а также обеспечивающим сохранность размещенных в таких организациях средств и операционно-кассовое обслуживание с использованием таких средств, а, равно с этим, финансовых активов, переданных брокеру или биржевому маклеру, прошедших аккредитацию в Государственной комиссии по ценным бумагам и фондовому рынку Соединенных Штатов Америки) (2);

- земельных участков, иных объектов недвижимого имущества, прав в отношении объектов недвижимого имущества (к примеру, арендных прав, права использования жилых помещений для проживания), судов, имущественных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, любого иного движимого и недвижимого имущества, которое принадлежит лицам, в отношении которых введены ограничения, на праве собственности любой формы: индивидуальная собственность, общая долевая собственность, общая совместная собственность.

В случае если финансовые активы, иное движимое и недвижимое имущество были переданы лицами, в отношении которых были введены ограничи-

тельные меры, в доверительное управление на возмездной основе, оплата услуг по реализации мероприятий, связанных с доверительным управлением такими финансовыми активами и собственностью не может быть осуществлена за счет «замороженных» активов или собственности, в случае, если такая оплата услуг является возможной (отдельно следует отметить, что движимое и недвижимое имущество, право пользования и распоряжения которым было ограничено, может быть отчуждено по усмотрению Управления по контролю за иностранными активами Казначейства Соединенных Штатов Америки). При этом средства, полученные от такого отчуждения, должны быть зачислены на «замороженный» банковский счет лица-собственника такого имущества.

Отчуждение собственности лицами, в отношении которых были введены ограничительные меры, также возможно в случае получения такими лицами разрешения на реализацию соответствующей операции от Управления по контролю за иностранными активами Федерального Казначейства Соединенных Штатов Америки (3).

Физические лица, в отношении которых были введены ограничительные меры, в случае оказания им экстренной медицинской помощи на территории Соединенных Штатов Америки, также обязаны запрашивать у Управления по контролю за иностранными активами Федерального Казначейства Соединенных Штатов Америки разрешение на осуществление оплаты таких услуг за счет замороженных средств.

Физическим лицам, в отношении которых Соединенными Штатами Америки были введены ограничительные меры, запрещается въезд на территорию Соединенных Штатов Америки.

16 июля 2014 г. Управлением по контролю за иностранными активами Федерального Казначейства Соединенных Штатов Америки были изданы две Инструкции, которые положили начало реализации «секторальных ограничительных мер».

Так, ОАО «НК «Роснефть»», ОАО «Новатэк», Государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк), Газпромбанку (АО), АО «Концерн воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей»», ЗАО «Калашников», АО «НПО «Базальт»», АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод»» имени Ф.Э. Дзержинского», АО «Концерн «Технологии машиностроения»», АО Концерн «Радиоэлектронные технологии», АО «Концерн «Созвездие»» был закрыт доступ на рынок долгового финансирования Соединенных Штатов Америки по обязательствам, срок погашения по которым составляет более девяноста дней (12 сентября 2014 г. ограничительная мера была изменена в части невозможности предоставления указанным ранее организациям долгового финансирования со сроком погашения обязательств более тридцати дней).

29 июля 2014 г. Соединенными Штатами Америки были введены ограничительные меры в отношении Банка ВТБ (ПАО), АО «Россельхозбанк», ОАО АКБ «Банк Москвы», в части, запрещающей физическим и юридическим лицам, являющимся резидентами Соединенных Штатов Америки, приобретать

долговые обязательства, срок погашения по которым превышает девяносто дней, эмитированные указанными ранее кредитными организациями (таким образом Соединенные Штаты Америки ограничили возможность заемного финансирования во взаимоотношениях с субъектами предпринимательства для юридических лиц, основная деятельность которых реализуется в сфере нефте- или газодобычи, а в основном в сфере производства товаров военного назначения).

12 сентября 2014 г. Управлением по контролю за иностранными активами были изданы Инструкция № 3 и Инструкция № 4, в соответствии с которыми в отношении ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ОАО «Транснефть», ПАО «Газпром нефть», ОАО «Сургутнефтегаз», ОАО «Новатэк» и ОАО «НК «Роснефть»» устанавливаются следующие ограничения:

– запрет резидентам Соединенных Штатов Америки на осуществление прямой или косвенной поставки технологий, необходимых для добычи нефти глубоководным способом, добычи нефти в арктической зоне, добычи сланцевой нефти;

– запрет на осуществление размещения ценных бумаг на американских фондовых биржах (рассматриваемое ограничение установлено в отношении: ОАО «НК «Роснефть»», ПАО «Газпром нефть», ОАО «Транснефть», ОАО «Новатэк», ПАО «Сбербанк России», некоторых иных организаций).

19 декабря 2014 г. указом Президента Соединенных Штатов Америки был введен запрет на:

– осуществление резидентами Соединенных Штатов Америки (юридическими лицами, государством регистрации которых являются Соединенные Штаты Америки, и гражданами Соединенных Штатов Америки) инвестиционной деятельности в отношении Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

– осуществление ввоза на территорию Соединенных Штатов Америки товаров, произведенных на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь, а равно с этим оказание услуг или выполнение работ субъектами предпринимательской деятельности, зарегистрированными на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь;

– осуществление ввоза, в том числе имеющего характер «резспортного ввоза», реализуемого напрямую или опосредовано через какие-либо юрисдикции, на территорию Республики Крым и города федерального значения Севастополь из Соединенных Штатов Америки товаров, а равно с этим оказание услуг и выполнение работ в пользу лиц, место нахождения (место жительства) которых определяется Республикой Крым или городом федерального значения Севастополь;

– осуществление поддержки, финансирования, а также предоставление поручительства со стороны резидентов Соединенных Штатов Америки в отношении сделок, заключаемых в том числе лицами, не являющимися резидентами Соединенных Штатов Америки, с субъектами предпринимательской деятельности, местом нахождения которых (местом жительства которых) является Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Рассматриваемым указом Президента Соединенных Штатов Америки были введены ограничительные меры в отношении таких организаций и объединений физических лиц, как «Народное ополчение Донбасса», «Партия Новороссия», «Ночные Волки», «Движение “Юго-Восток”», Батальон «Оплот», Общество с ограниченной ответственностью «Маршал Капитал» и некоторых физических лиц (при этом является неопределенным, по каким именно критериям то или иное лицо является относимым к указанным объединениям физических лиц. На это будет произведено более подробное указание при рассмотрении аналогичных ограничительных мер, введенных Европейским Союзом).

3 марта 2015 г. на сайте Белого Дома в сети Интернет было опубликовано сообщение Президента Соединенных Штатов Америки, уведомляющее о том, что время действия всех ограничительных мер, введенных Соединенными Штатами Америки с 6 марта 2014 г., увеличивается на один год.

22 декабря 2015 г. Соединенные Штаты Америки распространили ограничительные меры (как утверждается Управлением по контролю за иностранными активами Казначейства Соединенных Штатов Америки, такое распространение ограничительных мер является необходимым для обеспечения действия ранее введенных санкций) в отношении ряда физических лиц и российских хозяйствующих субъектов (таких как, к примеру, ООО «ПС Яндекс.Деньги», АО «Ялтинская киностудия», ОАО «Калиновский химический завод»).

Наравне с Соединенными Штатами Америки решение о реализации ограничительных мер было принято Европейским Союзом. Отдельно следует отметить, что санкции, введенные Европейским Союзом в отношении Российской Федерации, носят «зеркальный характер» ограничительных мер, введенных Соединенными Штатами Америки, то есть по своему существу в большей степени их дублируют.

Предварительно следует сделать оговорку относительно документов Европейского Союза, регулирующих возможность установления ограничительных мер в отношении государств, физических и юридических лиц. Так, Основными принципами применения ограничительных мер (санкций) утверждается применение санкций для поддержания международного мира и безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, а также применение ограничительных мер в целях содействия обеспечения осуществления прав человека, развития демократии, обеспечения верховенства права и эффективного управления (крайне сомнительной представляется возможность развития демократических институтов посредством введения ограничений для реализации прав определенного круга лиц, имеющего своей целью именно «политическое давление»). Руководством по имплементации и оценке ограничительных мер и Лучшими примерами по введению ограничительных мер осуществляется указание на то, какие именно ограничительные меры более эффективны для применения, порядок определения лиц, в отношении которых подлежат применению ограничительные меры, а также административные процедуры по реализации санкционных мер (4). Одним из элементов, сопутствующих введению ограничительных мер и указанных в ранее названных документах, утверждается орга-

низация переговорного процесса, направленного на дипломатическое урегулирование разногласий, в результате которых явилось необходимым введение санкционных мер, однако продуктивных попыток по разрешению сложившейся в отношении России и Европейского Союза ситуации посредством переговорного процесса относительно введенных санкций со стороны Европейского Союза не наблюдалось. Применение рассматриваемых документов в рамках введения ограничительных мер в отношении Российской Федерации ограничено дублированием некоторых их положений в текстах актов, принятием которых и был реализован комплекс санкционных мероприятий.

В правовых актах Европейского Союза, закрепляющих реализуемые ограничения, используются следующие понятия и их дефиниции, приведенные в настоящем тексте для лаконичности дальнейшего изложения материала:

– контракт (договор) — любая сделка, являющаяся таковой вне зависимости от трактовки, предусмотренной национальной правовой системой, осуществляемая в любой форме и включающая в себя один или более договоров, а равно с этим реализацию юридически значимых действий, порождающих обязательства, схожие с обязательствами договорного характера, заключенная между схожими или различными сторонами. Предметом сделки, в частности, могут являться: облигации, выплаты по гарантиям, выплаты в качестве компенсаций, например, страховые выплаты, а также, в том числе, выплаты по финансовым гарантиям и финансовые компенсации, выплаты по долговым обязательствам, а также иные, схожие с перечисленными ранее, объекты гражданских прав, которые могут являться предметами сделок (кауза которых направлена на создание, изменение, прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении указанных объектов гражданских прав);

– активы — любые активы, в том числе материальные и нематериальные, движимые и недвижимые, которые могут быть использованы для приобретения финансовых активов, товаров и услуг (за исключением самих «финансовых активов»);

– финансовые активы — финансовые средства и имущественные права на получение выплат любого рода, в том числе наличные деньги, чеки, права требования денежных средств, денежные переводы, иные платежные инструменты, депозиты (вклады), размещенные в банковских учреждениях или организациях, оказывающих услуги иного, нежели банковского, характера, остатки по счетам, выплаты, получаемые по долговым обязательствам, торгующиеся в открытом и закрытом порядке «портфели» ценных бумаг и долговые обязательства, включая эмиссионные ценные бумаги, акционерные сертификаты, облигации, долговые расписки, купоны на получение дивидендов, облигации правительственного займа, производные финансовые инструменты (деривативы), выплаты по долговым обязательствам, выплаты по дивидендам, а также иные выплаты по доходам, право на которые обусловлено владением тем или иным активом, остатки денежных средств по договорам кредитования, выплаты, получаемые вследствие реализации права судебного зачета, выплаты по гарантиям, выплаты по банковским гарантиям, выплаты по иным финансовым обязательствам, ак-

кредитивы, коносаменты, закладные, документы, свидетельствующие о наличии права на финансовые активы, получение выплат любого рода, а также иные финансовые средства;

– заморозка активов — предотвращение совершения любого рода операций с активами, в том числе купли-продажи, сдачи в аренду, предоставления в качестве залога, в результате которых происходило бы получение финансовых активов, товаров, услуг;

– заморозка финансовых активов — предотвращение осуществления действий любого рода, в том числе сделок, передачи, видоизменений, использования, получения доступа, реализуемых по отношению к финансовым активам. При этом результат указанных ранее операций должен быть выражен в любого рода изменении состояния финансовых активов, в том числе в изменении объема, количества, месторасположения собственника, владельца, характера, назначения, которое бы способствовало использованию активов, в том числе включению их в «портфель» ценных бумаг.

Правовые последствия введения в отношении лиц ограничительных мер заключаются в заморозке всех активов и финансовых активов, принадлежащих, находящихся во владении или контролируемых физическими лицами, юридическими лицами, физическим и юридическим лицам, связанным с вышеупомянутыми лицами. При этом любые активы и финансовые активы не должны быть как прямо, так и косвенно, доступны указанным выше лицам (5).

Компетентные органы государств — членов Европейского Союза могут вывести из заморозки некоторые активы и финансовые активы в случае, если выполняются все следующие условия:

– активы или финансовые активы являются предметом арбитражного судебного разбирательства, решение по которому было вынесено до даты включения каждого конкретного лица в «санкционный список», а равно с этим, если в отношении таких активов было вынесено судебное или административное решение как до, так и после даты включения каждого конкретного лица в «санкционный список»;

– активы или финансовые активы будут использованы исключительно для удовлетворения требования по указанным ранее судебным актам, в пределах, предусмотренных действующим законодательством;

– решение вынесено не в пользу лиц, включенных в «санкционный список»;

– признание решения не противоречит публичному порядку государства-члена Европейского Союза.

Компетентные органы государств — членов Европейского союза также могут вывести из заморозки некоторые активы и финансовые активы в случае, если оплата, предполагаемая к реализации при помощи указанных активов, будет произведена по договорам и соглашениям, заключенным до даты включения соответствующего лица в «санкционный список». Условиями для реализации данного изъятия является установление компетентным органом следующих аспектов:

– активы и финансовые активы будут использованы физическими или юридическими лицами, включенными в «санкционный список» по обязательствам, возникшим до даты включения таких лиц в «санкционный список»;

– оплата будет производиться не по обязательствам, возникшим перед лицами, включенными в «санкционный список».

Начисление денежных средств на счета, открытые в финансовых и кредитных организациях, лицами, включенными в «санкционный список», допускается при условии, что такие средства также будут заморожены. Не подлежат заморозке (не осуществляется блокировка их поступления на соответствующее счета) следующие денежные поступления (при условии, что они будут заморожены в качестве активов и финансовых активов лиц, включенных в санкционный список):

– начисление процентов и иного дохода;

– выплаты по контрактам, соглашениям, обязательствам, заключенным или возникшим соответственно до даты включения лица в «санкционный список»;

– выплаты по судебным, арбитражным, административным решениям, вынесенным или имеющим силу в государстве, являющемся членом Европейского Союза.

В качестве изъятий, применяемых по отношению к нормам, затрагивающим вопросы отчетности, конфиденциальности, профессиональной тайны, все физические и юридические лица обязаны:

– незамедлительно сообщать о поступившей к ним информации, имеющей отношение к вопросам, урегулированным актами Европейского Союза, затрагивающим рассматриваемую проблематику;

– сотрудничать с компетентными органами государств — членов Европейского Союза в части проверки поступившей к таким физическим и юридическим лицам информации.

Всем участникам правоотношений запрещается сознательно препятствовать деятельности по реализации вводимых Европейским Союзом санкций. Заморозка активов и финансовых активов, а равно с этим отказ от заморозки активов или финансовых активов, совершенные добросовестно и на основании положений нормативных правовых актов Европейского Союза, не могут приводить к возникновению ответственности любого рода у лиц, осуществивших такую заморозку, если не будет доказано, что заморозка или отказ от реализации заморозки стали результатом пренебрежения установленными нормами.

Физическим лицам, включенным в «санкционный список» Европейского Союза, запрещается въезд на территорию государств — членов Европейского Союза.

Государства, являющиеся членами Европейского Союза, должны создать правовой механизм, в соответствии с которым должен соблюдаться режим, предусмотренный указанными ранее ограничительными мерами на национальном уровне.

Решением Совета Европейского Союза был запрещен импорт товаров, произведенных на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь, на территорию государств — членов Европейского Союза. Также

государствам — членам Европейского Союза было запрещено «прямо или косвенно финансировать или оказывать финансовую поддержку осуществлению импорта товаров [на территорию государств — членов Европейского Союза], произведенных на территории Республики Крым и в городе федерального значения Севастополь, а равно с этим страховать и перестраховывать товары, произведенные на территории Республики Крым и в городе федерального значения Севастополь».

Изъятием из указанного выше запрета является возможность государств — членов Европейского Союза импортировать товары, произведенные в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь, при условии сдачи таких товаров для осуществления проверки украинскими властями и получения для таких товаров сертификатов о происхождении, которые выдаются украинскими властями (чем в очередной раз подтверждается позиция Европейского Союза касательно относимости территории Крымского полуострова к Украине).

В соответствии с обозначенным ранее решением Совета Европейского Союза, указанные выше ограничения должны быть реализованы без причинения ущерба исполнению договорных обязательств вплоть до 26 сентября 2014 г., при этом указанные договорные обязательства должны были возникнуть до 25 июня 2014 г. (при этом допускается возникновение дополнительных договорных обязательств, предметом которых являются товары, произведенные на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь, в случае, если такие договорные обязательства возникают во исполнение договоров, заключенных до 25 июня 2014 г. Указанные договорные обязательства могут возникать и должны быть исполнены в срок до 26 сентября 2014 г.).

Решением Совета Европейского Союза от 18 июля 2014 г. было установлено, что в санкционный список подлежат включению:

– физические лица, ответственные за действия, угрожающие территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины, или активно поддерживающие, а равно с этим непосредственно реализующие действия, угрожающие территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины или подрывающие территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины, а также стабильность и безопасность в Украине, а равно с этим физические лица, препятствующие своими действиями работе международных организаций в Украине, а также физические и юридические лица, государственные органы, связанные с такими физическими лицами;

– юридические лица или государственные органы, оказывающие материальную или финансовую поддержку для реализации действий, угрожающих территориальной целостности, суверенитету и независимости Украины и равно с этим подрывающих территориальную целостность, суверенитет и независимость Украины;

– юридические лица или государственные органы в Республике Крым и городе федерального значения Севастополь, чья собственность была передана вне соответствия положениям законодательства Украины, а также юридические лица и государственные органы, осуществившие извлечение выгоды от осуществления такой передачи;

– физические и юридические лица, а также государственные органы, активно оказывающие материальную или финансовую поддержку российским политическим силам, обладающим возможностью принимать соответствующие решения и являющиеся ответственными за вхождение Республики Крым и города Севастополь в состав Российской Федерации, а также за дестабилизацию политической ситуации в Восточной Украине, а равно с этим физические и юридические лица, а также государственные органы, получающие выгоду от принятия таких решений (данное положение было добавлено Решением Совета Европейского Союза от 25.07.2014).

Физические и юридические лица, включенные в санкционный список, могут обжаловать соответствующее решение Совета Европейского союза о введении в отношении них ограничительных мер.

Решением Совета Европейского Союза от 31 июля 2014 г. резидентам государств — членов Европейского Союза было запрещено прямо или косвенно приобретать, а равно с этим продавать, выступать посредниками при продаже или покупке, осуществлять эмиссию, а также реализовывать какие-либо иные операции с ценными бумагами, акциями и аналогичными финансовыми инструментами, выпущенными (планирующимися к эмиссии) Государственной корпорацией «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», ПАО «Сбербанк России», Банк ВТБ (ПАО), Газпромбанк (АО), АО «Российский сельскохозяйственный банк», а равно с этим юридическими лицами, доля участия вышеуказанных организаций в которых составляет более 50% (при условии, что такие юридические лица были созданы не на территории государств — членов Европейского Союза), а также любыми юридическими лицами, действующими от имени или по указанию таких организаций. При этом настоящий запрет распространяется на ценные бумаги, акции и аналогичные финансовые инструменты, срок погашения обязательств по которым превышает девяносто дней, эмитированным после 1 августа 2014 г. (6) (позднее Европейский Союз изменил ограничительную меру относительно краткосрочного долгового финансирования посредством пересмотра минимального срока погашения финансовых инструментов в пользу уменьшения такого срока до тридцати дней).

Также рассматриваемым решением Совета Европейского Союза государствам — членам Европейского Союза, а равно с этим с территории государств-членов Европейского Союза, а также с использованием судов, осуществляющих рейсы под флагом государства — члена Европейского Союза, было запрещено осуществление продажи, поставки, передачи, экспорта вооружения, в том числе оружия, боеприпасов, военной техники и запчастей к такой военной технике, военной и полувоенной экипировки, произведенных как на территории государств — членов Европейского Союза, так и вне территории государств — членов Европейского Союза, в пользу Российской Федерации. В равной части указанный ранее запрет распространяется на:

– оказание технической поддержки по эксплуатации вооружения (то есть поддержки, связанной с ремонтом, модернизацией, производством, монтажом, испытанием, техническим обслуживанием, любым иным видом эксплуатации).

При этом такая техническая поддержка может выражаться в таких формах, как обучение эксплуатации, оказание консультационных услуг по эксплуатации, передача информации и обучение навыкам по эксплуатации, реализуемых в том числе в устной форме);

– оказание маклерских услуг, предметом которых является вооружение (то есть посреднических услуг по проведению переговоров с целью заключения сделок по покупке, продаже, поставке вооружения в Российскую Федерацию, а равно с этим покупка, продажа, поставка вооружения в Российскую Федерацию, в том числе с территории государств, не являющихся членами Европейского Союза);

– обеспечение финансирования и оказание финансовой помощи в случае, если такое финансирование или оказание финансовой помощи реализуются для обеспечения военной деятельности (под обеспечением финансирования и оказанием финансовой помощи подразумевается, в частности, предоставление субсидий, кредитов, осуществление страхования и перестрахования обязательств по сделкам по покупке, продаже, поставке вооружения для использования в Российской Федерации).

Государствам — членам Европейского Союза также запрещается приобретать вооружение в Российской Федерации.

Изъятием из указанных выше ограничительных мер является то, что они не распространяются на все договорные отношения, возникшие до 1 августа 2014 г., а равно с этим то, что настоящие запреты не распространяются на поставку запасных частей для вооружения и оказание технической поддержки по эксплуатации вооружения, в случае, если целью поставки запасных частей для вооружения и целью оказания такой технической поддержки по эксплуатации вооружения является поддержание безопасности на территории Европейского Союза.

Рассматриваемым решением Совета Европейского Союза государствам — членам Европейского Союза, а также с территории государств — членов Европейского союза и с использованием судов, осуществляющих рейсы под флагом государства — члена Европейского Союза, был установлен запрет на осуществление продажи, поставки, передачи, экспорта технологий, предназначенных для добычи нефти глубоководным способом, добычи нефти в арктической зоне, а равно с этим добычи сланцевой нефти (которые в дальнейшем для лаконичности изложения материала будут называться «Технологии для добычи нефти») (при этом запрет на осуществление продажи, поставки, передачи, экспорта товаров двойного назначения распространяется на такие товары только в случае их предполагаемого использования в военных целях на территории Российской Федерации. Однако представляется, что, опасаясь возможности трактовки использования таких товаров в военных целях компетентными органами государств — членов Европейского Союза, хозяйствующие субъекты таких государств будут воздерживаться от поставки товаров двойного назначения в Российскую Федерацию).

Указанный запрет распространяется также на оказание технической поддержки по эксплуатации технологий по добыче нефти и товаров двойного на-

значения, оказание маклерских услуг, предметом которых являются технологии по добыче нефти и товары двойного назначения, обеспечение финансирования и оказание финансовой помощи, в случае, если предметом такого финансирования и оказания финансовой помощи являются технологии по добыче нефти и товары двойного назначения (при этом содержание оказания технической поддержки, оказания маклерских услуг и обеспечения финансирования и оказания финансовой помощи адекватно дефинициям, представленным ранее по отношению к вооружению).

Компетентные органы государств — членов Европейского Союза вправе не предоставлять разрешение на поставку, передачу, экспорт технологий по добыче нефти в случае, если такими компетентными органами будет установлено, что использование таких технологий будет осуществлено при реализации добычи нефти на территории Российской Федерации.

Изъятием из указанных выше ограничительных мер является то, что они не распространяются на все договорные отношения, возникшие до 1 августа 2014 г. (при этом компетентные органы государств — членов Европейского Союза вправе аннулировать, приостановить, изменить или отозвать разрешения на экспорт технологий по добыче нефти, выданные такими компетентными органами ранее).

К указанным ранее ограничениям применяются следующие регулятивные меры:

– физические лица, юридические лица, государственные органы, реализовавшие действия, противоречащие мерам, указанным выше, не несут ответственности в случае, если такие физические лица, юридические лица, государственные органы не знали, что их действия будут противоречить ограничениям, указанным ранее, а равно с этим в случае, если у таких физических лиц, юридических лиц и государственных органов не было оснований полагать, что их действия будут противоречить ограничениям, указанным ранее;

– для достижения большей результативности ограничительных мер, указанных ранее, Совет Европейского Союза настоятельно рекомендует государствам, не являющимся членами Европейского Союза, принять ограничительные меры, аналогичные тем, которые были установлены рассматриваемым решением Совета Европейского Союза;

– не могут быть удовлетворены претензии (при этом претензией является требование, обращенное к любому уполномоченному на принятие соответствующего решения лицу, за исключением судебного органа), связанные с любыми обязательствами, исполнение которых было прямо или косвенно, в полной мере или частично затронуто указанными ранее ограничительными мерами в случае, если инициатором такой претензии является организация, а, равно с этим, юридическое лицо, доля участия вышеуказанных организаций в котором составляет более 50%, а также любое юридическое лицо, действующее от имени или по указанию таких организаций, любой российский гражданин или российское юридическое лицо, а, равно с этим, государственный орган (орган государственной власти) Российской Федерации, любое физическое лицо, юриди-

ческое лицо, государственный орган (орган государственной власти) действующие от имени лиц, указанных ранее в настоящем пункте (при этом бремя доказывания того, что лицо, подавшее претензию, не соответствует критериям, указанным ранее, лежит на лице, подавшем претензию; лица, указанные в настоящем пункте, не утрачивают право на судебную защиту своих прав, нарушенных в соответствии с принятием рассматриваемых ограничительных мер) (7).

Позднее Советом Европейского Союза был добавлен еще один критерий, при соответствии которому лицо может быть включено в санкционный список. Таким критерием является осуществление физическим лицом, организацией, государственным органом банковских операций с (как они именуется в актах Европейского Союза) «сепаратистскими организациями», осуществляющими свою деятельность в рамках конфликта в Украине.

Также Советом Европейского Союза было установлено, что ограничения, введенные Европейским Союзом, будут применяться до 15 марта 2015 г., в случае, если указанный срок позднее не будет пересмотрен Советом Европейского Союза (впоследствии рассматриваемый срок не единожды пересматривался Советом Европейского Союза в части и в пользу его пролонгации).

Постановлением Совета Европейского Союза от 8 сентября 2014 г. устанавливается, что в отношении АО «Сириус», ОАО «Станкоинструмент», АО «РТ — Химические технологии и композиционные материалы», ЗАО «Калашников», ОАО «Тульский оружейный завод», АО «Научно-производственный концерн “Технологии машиностроения”», АО «НПО “Высокоточные комплексы”», АО «Концерн воздушно-космической обороны “Алмаз-Антей”», АО «НПО “Базальт”» вводятся ограничения по поставке товаров двойного назначения. Устанавливается запрет на оказание маклерских услуг, реализацию технического обслуживания оборудования, а также на осуществление финансирования и оказание финансовой помощи (в значениях, приведенных ранее) по отношению к товарам двойного назначения для указанных ранее организаций.

В отношении АО «ОПК “Оборонпром”», ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация», АО «Научно-производственная корпорация “Уралвагонзавод” имени Ф.Э. Дзержинского», ОАО «НК “Роснефть”», ОАО «Транснефть», ПАО «Газпром нефть» вводятся ограничения, запрещающие хозяйствующим субъектам Европейского Союза прямо или косвенно осуществлять куплю-продажу, а, равно с этим, оказывать указанным ранее организациям инвестиционные услуги (к инвестиционным услугам относятся: принятие и передача заказов в отношении одного или нескольких финансовых инструментов, управление «портфелем» активов, доверительное управление активами, осуществление эмиссии финансовых инструментов, осуществление переговоров по предоставлению кредитования, предоставление инвестиционных консультаций, оказание любых услуг, связанных с предоставлением указанным организациям допуска к регулируемым профессиональным рынкам), а также являться сторонами по договорам, предметом которых являются переводные ценные бумаги (к переводным ценным бумагам относятся: акции и иные ценные бумаги, депозитарные расписки, эмитированные на акции указанных ранее организаций, облигации и

иные финансовые инструменты, выпуск которых направлен на секьюритизацию долговых обязательств указанных ранее организаций, любые иные ценные бумаги, дающие право на приобретение или продажу находящихся в гражданском обороте ценных бумаг указанных ранее организаций), а также иные финансовые инструменты со сроком погашения более тридцати дней.

В июне 2015 г. Европейский Союз продлил действие введенных ограничительных мер в отношении Российской Федерации до 31 января 2016 г., обусловив это необходимостью обеспечения соблюдения т.н. минских соглашений (впоследствии рассматриваемые ограничительные меры были продлены до 31 июля 2016 г.). Однако подобного рода действия нельзя рассматривать иначе, как экономическую агрессию в отношении России со стороны Европейского Союза, ведь в рамках Декларации Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и канцлера Федеративной Республики Германии в поддержку комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятой 12 февраля 2015 г., и Комплекса мер по выполнению Минских соглашений не утверждается никаких конкретно-определенных действий, необходимых со стороны России для урегулирования ситуации, сложившейся и продолжающейся на территории Донецкой и Луганской областей Украины, а следовательно, Россия не может быть «уличена» в их невыполнении. Прослеживаемая в действиях Европейского Союза максима, таким образом, подлежит определению не иначе, как иррациональная, в том числе в части нанесения введенными ограничительными мерами ущерба экономикам государств — членам Европейского Союза, и одиозная, в контексте дальнейшего взаимодействия России и указанного интеграционного объединения.

В отношении Российской Федерации, помимо Соединенных Штатов Америки и Европейского Союза, ограничительные меры были введены некоторыми иными государствами. При этом направленность таких ограничительных мер имеет характер, схожий с санкциями, введенными Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом, а именно: уменьшение степени межгосударственного сотрудничества, запрещение въезда на территорию государства некоторым лицам, введение ограничения на доступ к рынкам заемного финансирования, введение ограничений на поставку технологий, необходимых для добычи нефти глубоководным способом, добычи нефти в арктической зоне, добычи сланцевой нефти при реализации проектов на территории Российской Федерации.

Так, Швейцарская Конфедерация не присоединилась к санкциям, введенным Соединенными Штатами Америки и Европейским Союзом, однако приняла ряд мер, направленных на то, чтобы ограничительные меры, введенные Европейским Союзом, не были преодолены посредством реализации каких-либо действий на территории Швейцарии.

В Швейцарии был установлен запрет на открытие нового бизнеса для:

- физических и юридических лиц, в отношении которых были введены ограничительные меры со стороны Европейского Союза;
- физических и юридических лиц, действующих от имени или по указанию лиц, в отношении которых Европейским Союзом были введены санкции;

– юридических лиц, участниками которых являются лица, по отношению к которым Европейским Союзом были введены санкции, а, равно с этим, для юридических лиц, являющихся подконтрольными по отношению к лицам, в отношении которых Европейским союзом были введены санкции, а также для юридических лиц, участниками которых являются лица, действующие от имени или по указанию лиц, в отношении которых Европейским Союзом были введены санкции.

Лицам, в отношении которых Европейским Союзом были введены санкции, запрещена передача активов в Швейцарию. Швейцария как государство — член Шенгенского соглашения запретила лицам, включенным в «санкционный список» Европейского Союза, въезд на свою территорию.

Руководитель министерства экономики, образования и фундаментальных исследований Швейцарии Йоханн Шнайдер-Амманн 3 августа 2014 г. выступил с заявлением о том, что Швейцарии не следует присоединяться к санкциям, введенным Европейским Союзом, так как «это ослабит роль Швейцарии как посредника в украинском кризисе» (8).

Однако Йоханн Шнайдер-Амман также отметил, что позиция Швейцарии по отношению к присоединению к санкциям, введенным Европейским Союзом, может быть пересмотрена в зависимости от развития ситуации в Украине. Настоящее заявление предположительно было сделано с целью снижения напряженности от сложившейся ситуации у лиц, осуществляющих размещение своего имущества в Швейцарии.

27 августа 2014 г. Федеральный Совет Швейцарской Конфедерации принял решение о дальнейшей реализации мер по предотвращению обхода санкций, введенных Европейским Союзом. Для пяти российских организаций были установлены дополнительные требования к эмиссии долгосрочных финансовых инструментов (со сроком погашения обязательств более девяноста дней) в Швейцарской Конфедерации, заключающиеся в том, что эмиссия долгосрочных финансовых инструментов, планирующаяся к реализации такими организациями, должна быть предварительно согласована с компетентными органами Швейцарии (разрешена компетентными органами Швейцарии) (9).

Разрешение на осуществление выпуска долгосрочных финансовых инструментов может быть получено такими организациями только при условии соответствия планируемого объема выпуска долгосрочных финансовых инструментов размеру средних финансовых обязательств таких организаций за последние три года. При этом от обязанности получения предварительного согласования на реализацию эмиссии долгосрочных финансовых инструментов освобождаются дочерние компании указанных ранее организаций в случае, если такие дочерние компании действуют не от имени и не по поручению «материнских» организаций. Рассматриваемые организации обязаны уведомлять компетентные органы Швейцарской Конфедерации о торговых операциях с уже эмитированными долгосрочными финансовыми инструментами, в случае, если такие торговые операции реализуются на территории Швейцарии.

Также рассматриваемым решением было введено дополнительное основание отказа при предоставлении лицензии на экспорт военных товаров и товаров

двойного назначения в Российскую Федерацию с территории Швейцарии. Отказ в предоставлении такой лицензии может быть получен в случае, если товары из рассматриваемых категорий могут быть использованы только в военных целях, а равно с этим в случае, если такие товары потенциально могут быть использованы в военных целях, либо если конечным потребителем таких товаров является лицо, задействованное в военной сфере. Также Швейцарская Конфедерация запретила импорт вооружения из Российской Федерации и Украины.

При осуществлении с территории Швейцарской Конфедерации экспорта технологий, предназначенных для добычи нефти глубоководным способом, добычи нефти в арктической зоне, а равно с этим добычи сланцевого газа в случае, если указанные технологии планируются к использованию для реализации проектов в Российской Федерации, такой экспортер обязан уведомить компетентные органы Швейцарии о предстоящих к реализации действиях по экспорту указанных ранее технологий.

Рассматриваемым решением Федерального Совета Швейцарской Конфедерации был установлен запрет на осуществление инвестиций в проекты, планирующиеся к осуществлению на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополь, а также запрет на импорт и экспорт некоторых «ключевых» технологий, необходимых для добычи нефти и газа (при этом, на какие именно технологии распространяется настоящий запрет, в решении не указано).

12 ноября 2014 г. Федеральный Совет Швейцарской Конфедерации принял Решение, в соответствии с которым Швейцария продолжает придерживаться позиции установления ограничительных мер, направленных на предотвращение обхода санкций, введенных Европейским Союзом.

В отношении одиннадцати российских коммерческих организаций, наименования которых в Решении Федерального Совета Швейцарской Конфедерации не указываются, ужесточаются (вводятся) меры по предоставлению таким организациям доступа к рынку заемного капитала. Так, рассматриваемым организациями для осуществления эмиссии финансовых инструментов, срок погашения долговых обязательств по которым превышает тридцать дней (ранее предельный срок погашения долговых обязательств по указанным финансовым инструментам составлял девяносто дней), необходимо получение разрешения компетентного органа Швейцарской Конфедерации. Вводится обязанность хозяйствующих субъектов по уведомлению компетентного органа Швейцарии обо всех сделках, совершаемых с ранее указанными типами финансовых инструментов вне территории Швейцарии и Европейского Союза.

6 марта 2015 г. Федеральный Совет Швейцарской Конфедерации ввел ограничительные меры в отношении двадцати восьми физических и юридических лиц, тем самым приведя санкционный список Швейцарской Конфедерации в соответствие с санкционным списком, утвержденным Советом Европейского Союза. Также было установлено ограничение на осуществление экспорта товаров на территорию Республики Крым и города федерального значения Севастополь, а также оказание услуг и осуществление работ в пользу лиц, место жительства которых — для физических лиц и место нахождения которых — для

юридических лиц определяется Республикой Крым и городом федерального значения Севастополь. Помимо всего изложенного ранее был введен запрет на осуществление инвестиционной деятельности в некоторые сферы экономики Республики Крым и города федерального значения Севастополь, в том числе в сферу туризма.

Австралийским союзом в отношении некоторых граждан России и российских организаций, а равно с этим иностранных организаций, являющихся бизнес-структурами российских физических лиц, в отношении которых были введены ограничительные меры, были введены санкции, направленные в том числе на ограничение финансовой правосубъектности таких лиц.

Так, Министерством иностранных дел и внешней торговли Австралийского союза 19 марта 2014 г. было принято решение о введении запрета на въезд на территорию Австралийского союза для лиц, в отношении которых вводятся ограничительные меры, а также решение о «заморозке» финансовых активов физических лиц, представляющих угрозу для территориальной целостности и суверенитета Украины, и решение об ограничении проведения финансовых операций некоторых юридических лиц (10).

Санкции, введенные Австралийским союзом, имеют своей целью в большей степени не побуждение Российской Федерации к активной деятельности для урегулирования ситуации в Украине (что, как уже не раз отмечалось, является невозможным), а выражение солидарности с Европейским Союзом и Соединенными Штатами Америки, что подтверждается в том числе крайне условной возможностью оказания влияния на Россию посредством введения экономических ограничений ввиду небольшого объема торгового взаимодействия Австралийского союза и Российской Федерации, что верифицирует утверждение о том, что Австралийский союз в выборе позиции относительно сложившейся в Украине ситуации действует исключительно в рамках политической целесообразности, не принимая во внимание содержание положений международного права относительно принципа права наций на самоопределение [2].

Ограничительные меры, введенные в отношении Российской Федерации Соединенными Штатами Америки, Европейским Союзом, некоторыми иными государствами, повлекли за собой неблагоприятные последствия в том числе для государств, которые ввели такие ограничительные меры (при этом следует учитывать, что реакция Российской Федерации в форме введения соответствующих ограничительных мер носит исключительно превентивный, имеющий направленность на снижение международной напряженности характер в части предотвращения возможного введения новых ограничений в отношении России зарубежными государствами и интеграционными объединениями).

Так, в сфере экономики государств, которые ввели санкции, снизилась прибыль организаций, занятых в сфере оказания финансовых услуг, в том числе в сфере кредитования, эмиссии ценных бумаг, в сфере туризма, в сфере экономики, связанной с поставкой технологичной продукции, в том числе товаров двойного назначения и продукции, необходимой для добычи нефти глубоким способом, добычи нефти в арктической зоне, добычи сланцевой нефти.

Одной из мер, принятых Российской Федерацией и призванной обеспечить национальные интересы России, стала мера по ограничению поставок на территорию Российской Федерации отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых является государство, принявшее решение о введении экономических санкций в отношении российских юридических и (или) физических лиц или присоединившееся к такому решению.

Так, во исполнение Указа Президента Российской Федерации № 560 от 6 августа 2014 г. Правительством Российской Федерации 7 августа 2014 г. Постановлением № 778 был установлен сроком на один год запрет на ввоз в Российскую Федерацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия. Российской Федерацией был запрещен въезд на территорию России некоторым гражданам Соединенных Штатов Америки, Европейского Союза, Японии, некоторых иных государств. В июне 2015 г. ограничительные меры по ввозу на территорию Российской Федерации сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского Союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия, были продлены еще на один год.

13 августа 2015 г. было принято Постановление Правительства Российской Федерации, в соответствии с которым ограничительные меры, ранее введенные в отношении Соединенных Штатов Америки, государств — членов Европейского Союза, Канады, Австралийского союза и Королевства Норвегия, были распространены на Украину, Республику Албанию, Черногорию, Республику Исландию и Княжество Лихтенштейн. При этом в отношении Украины указанные ограничительные меры вступают в силу не позднее 1 января 2016 г., а в случае ввода в отношении Украины ввозных таможенных пошлин в размере ставок Единого таможенного тарифа Таможенного союза (в соответствии с режимом наиболее благоприятствуемой нации) в отношении товаров, происходящих с территории Украины и ввозимых в Российскую Федерацию, — с даты вступления в силу Постановления Правительства Российской Федерации, которым будут признаны вступившими в силу положения о введении в отношении Украины указанных ввозных таможенных пошлин.

16 декабря 2015 г. был издан Указ Президента Российской Федерации, которым с 1 января 2016 г. приостанавливается действие Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины (11). 22 декабря 2015 г. Государственная Дума Федерального Собрания России приняла законопроект, подтверждающий позицию Президента России касательно приостановления действия Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины.

Следует отметить, что положения Договора регулируют отношения договаривающихся сторон (в том числе Российской Федерации и Украины) относительно наиболее значимых для обеспечения взаимного товарооборота следующих аспектов:

- применения таможенных пошлин и платежей, эквивалентных таможенным пошлинам;
- количественных ограничений по взаимной торговле;
- применения специальных защитных мер во взаимной торговле;
- предоставления национального режима внутреннего налогообложения и регулирования;
- применения антидемпинговых и компенсационных мер во взаимной торговле;
- предоставления субсидий;
- осуществления государственных закупок;
- транзита товаров и транспортных средств;

Вводимые государствами ограничительные меры, как правило, являются оказывающими негативное влияние в первую очередь именно для государств, которые вводят такие санкционные меры, при этом ставя своей целью изменение политического вектора того или иного государства [3]. В условиях введенных ограничительных мер Российской Федерацией была выбрана в качестве одного из основополагающих экономических элементов модель импортозамещения, планирующаяся к реализации посредством оказания государственной поддержки тем секторам экономики, которые наиболее «болезненно» отреагировали на введение санкций, что в последующем, несомненно, приведет к более быстрому экономическому росту [1].

Однако несмотря на некоторые положительные тенденции развития российской политической, экономической и социальной сфер в рамках «санкционного режима», большинство политических деятелей Российской Федерации рассчитывают на разрешение сложившейся ситуации посредством дипломатического диалога, исходя из позиций рациональности в подходе к выстраиванию межгосударственных отношений, а равно с этим, безусловно, исключительно в рамках уважения международно-правовых принципов и норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) При этом следует обратить особое внимание на принятие таких ограничительных мер во внесудебном порядке, который, хотя и формально не предусмотрен для введения санкций во многих государствах, следует из такого элемента формы государства, как демократический политический режим (в контексте обеспечения реализации прав и свобод человека и гражданина, в том числе права собственности граждан на принадлежащее им имущество).
- (2) При этом ограничительные меры, заключающиеся в «заморозке» финансовых активов и собственности юридических лиц, вводятся только лишь в случае, если доля участия физического лица, в отношении которого были введены ограничительные меры, в таком юридическом лице превышает 50%.
- (3) Особый порядок предоставления разрешения на проведение операций устанавливается в отношении операций, связанных с осуществлением лицами, в отношении которых были введены ограничительные меры, оплаты расходов, связанных с оказанием им юридической помощи, которая может заключаться в предоставлении любых юридических консультаций, за исключением консультаций, связанных с предоставлением разъяснений относительно возможности «обхода» введенных в отношении таких лиц

ограничительных мер, а также в представлении интересов лица, в отношении которого были введены ограничительные меры, перед государственными органами Соединенных Штатов Америки, а также перед органами судебной системы Соединенных Штатов Америки, которые для большего удобства дальнейшего изложения определяются как «юридические услуги». Установленный особый порядок заключается в необходимости представления уведомления лицом, которое предполагает оказывать юридические услуги, Управлению по контролю за иностранными активами Федерального Казначейства Соединенных Штатов Америки о соответствующем намерении. Оплата таких юридических услуг может быть осуществлена лицами, в отношении которых введены ограничительные меры, только из источников, не расположенных на территории Соединенных Штатов Америки, при учете условия, что плательщиком по таким услугам может выступать любое лицо, за исключением лиц, в отношении которых введены ограничительные меры. При этом вводится обязанность для лиц, оказывающих юридические услуги лицам, в отношении которых были введены санкции, по предоставлению дополнительной отчетности в Управление по контролю за иностранными активами по результатам оказания юридических услуг.

- (4) Несмотря на положения названных ранее документов о том, что в целях повышения эффективности административных мер по применению санкций в части, в том числе, избежания допущения ошибки при введении ограничительных мер, является необходимым осуществление указания на специфические признаки, позволяющие конкретно-определенно идентифицировать то или иное лицо, в отношении которого вводятся санкции (в частности осуществить указание на фамилию, имя, отчество, псевдоним, пол, дату и место рождения, гражданство, адрес места жительства), такие положения зачастую не соблюдаются. Так, при введении ограничительных мер в отношении неопределенного круга лиц (к примеру, членов объединения физических лиц «Движение Новороссия») является невозможным установить критерий относимости того или иного лица к объединению, в отношении которого были введены санкционные меры (за исключением случаев наличия отличительных знаков таких объединений физических лиц (специфических эмблем, иных символов и так далее).
- (5) В отношении указанного положения установлен ряд изъятий. Компетентные органы государств — членов Европейского Союза могут допустить использование или предоставление некоторых активов и финансовых активов обозначенным ранее лицам, в случае, если этими лицами будет подано соответствующее заявление и компетентными органами государств — членов Европейского Союза будет установлено, что:
 - существует необходимость удовлетворения естественных потребностей физических лиц, а также членов их семей, а равно с этим в случае, если существует необходимость реализации основной деятельности юридических лиц. В понятие «удовлетворение естественных потребностей» физических лиц и членов их семей включается в том числе: удовлетворение потребности в пище, необходимость осуществления выплат по договорам аренды и ипотеки, необходимость оплаты лекарств и лечения, налогов, страховых взносов, коммунальных услуг;
 - существует необходимость оплаты, осуществляемой в разумных пределах, расходов, связанных с оказанием этим лицам услуг представителей, а также юридических услуг;
 - существует необходимость оплат пошлин, сборов за текущее содержание или обслуживание замороженных активов и финансовых активов;
 - существует необходимость оплаты чрезвычайных расходов.При этом компетентный орган государства, на территории которого расположены (размещены) активы или финансовые активы, должен уведомить компетентные органы других государств — членов Европейского Союза не менее чем за две недели до предоставления разрешения на проведение каждой конкретной операции.

- (6) Несмотря на то, что указанный запрет ограничивает выпуск организациями ценных бумаг на территории государств — членов Европейского Союза, ограничение совершения других операций связано, в первую очередь, с возможностью выпуска кредитными организациями ценных бумаг в других государствах и, соответственно, валютах, к примеру, еврооблигаций в швейцарских франках.
- (7) Правом на оспаривание в Европейском суде общей юрисдикции введенных ограничительных мер воспользовались, в частности, гражданин Российской Федерации Дмитрий Константинович Киселев и АО «Концерн воздушно-космической обороны “Алмаз–Антей”», при этом Дмитрием Константиновичем Киселевым и (или) АО «Концерн воздушно-космической обороны “Алмаз–Антей”» обращенные к суду требования по отмене введенных ограничительных мер обосновывались в том числе:
- несоответствием указанных выше лиц критериям, необходимым для включения в «санкционные списки» (Д.К. Киселевым при этом указывалось, что для применения ограничительных мер в отношении того или иного лица по причине осуществления таким лицом поддержки политики России в отношении Украины, такое лицо должно обладать большей степенью влияния, нежели степень влияния, оказываемая при выражении мнения журналиста);
 - нарушением Советом Европейского Союза при установлении ограничительных мер принципа соразмерности (в отношении АО «Концерн ВКО “Алмаз–Антей”»);
 - отсутствием «серьезных и заслуживающих доверия» доказательств или «конкретно-определенных» доказательств или информации, свидетельствующих об обоснованности введенных ограничительных мер (в отношении Д.К. Киселева).

Кроме того, примечательным в рассматриваемом контексте является решение Суда Европейского Союза по делу об отмене ограничительных мер, введенных Европейским Союзом в отношении политического деятеля Украины. При рассмотрении указанного дела Суд Европейского Союза пришел к ряду выводов по вопросу правовой квалификации оснований введения Советом Европейского Союза ограничительных мер, а также по вопросу соотношения положений различных актов Совета Европейского союза о введении ограничительных мер. Так, Суд Европейского Союза, подтверждая ранее изложенный вывод о том, что при определении оснований осуществления тех или иных действий Совету Европейского Союза необходимо устанавливать факты, составляющие такие основания реализации тех или иных действий, и при этом руководствоваться тем, что такие факты должны быть выражены в конкретной форме и не могут являться вероятностной оценкой тех или иных действий лиц, установил, что введение ограничительных мер (реализуемых в рамках санкционных программ, инициируемых в связи с ситуацией, сложившейся на Украине) в отношении тех или иных лиц в связи с присвоением такими лицами государственной собственности Украины может быть осуществлено только в случае наличия доказательств совершения тем или иным лицом присвоения государственной собственности Украины. При этом, предположительно, такими доказательствами могут являться в том числе вступивший в законную силу приговор суда по результатам рассмотрения уголовного дела о присвоении государственной собственности, постановление о возбуждении уголовного дела, материалы следственных мероприятий. При учете изложенного ранее следует отметить, что основанием введения ограничительных мер в отношении указанного политического деятеля Украины являлось письмо Генерального прокурора Украины, в котором рассматриваемый украинский политик (без указания конкретных фактов и (или) действий) определялся в качестве лица, причастного к присвоению государственной собственности Украины. В связи со всем вышеизложенным Суд Европейского Союза постановил отменить ограничительные меры, введенные в отношении указанного украинского политика.

Суд Европейского Союза также пришел к выводу, что акты Совета Европейского Союза, принимаемые в дополнение положений ранее принятых актов Совета Европейского

ского Союза, в случае отмены ограничительных мер в отношении того или иного лица не подлежат отмене в отношении такого лица в индивидуальном порядке ввиду того, что отмена в отношении того или иного лица ограничительных мер, введенных первоначальным актом, влечет неприменение в отношении такого лица актов, принимаемых в дополнение (а равно с этим во исполнение) положений ранее принятых актов.

- (8) Имеются ввиду санкции, направленные на ограничение доступа к долговому капиталу четырем российским кредитным организациям и государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности», а также санкции, направленные на ограничение поставок в Российскую Федерацию вооружения и товаров двойного назначения.
- (9) В нормативном правовом акте рассматриваемые кредитные организации прямо не называются, однако вследствие принятия настоящего решения в целях превенции обхода санкций, введенных ранее Европейским Союзом, такими организациями, предположительно, являются Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности» (Внешэкономбанк), ОАО «Сбербанк России», Банк ВТБ (ПАО), Газпромбанк (АО), АО «Российский сельскохозяйственный банк».
- (10) За оказание резидентами Австралийского союза прямого или косвенного содействия лицам, в отношении которых были введены ограничительные меры по отчуждению активов, а равно с этим по предоставлению возможности пользования и распоряжения активами, расположенными на территории, находящейся под юрисдикцией Австралийского союза, такие резиденты Австралийского союза подлежат привлечению к уголовной ответственности в соответствии с Уголовным кодексом Австралийского союза.
- (11) Нормативная возможность осуществления приостановления Договора о зоне свободной торговли в отношении Украины обуславливается ст. 16 указанного международного соглашения («В отношении мер, направленных на обеспечение национальной безопасности, Стороны применяют нормы ст. XXI ГАТТ 1994»), которой, в свою очередь, осуществляется отсылка к положениям пп. III п. b ст. XXI. Исключения по соображениям безопасности Генерального соглашения по торговле и тарифам 1947 г. Так, в соответствии с указанными положениями Генерального соглашения по торговле и тарифам, в рамках Договора о зоне свободной торговли ничто не может быть истолковано как препятствующее любой договаривающейся стороне предпринимать такие действия, которые она считает необходимыми для защиты существенных интересов своей безопасности в том числе в случае, если они [такие действия] принимаются в военное время или в других чрезвычайных обстоятельствах в международных отношениях (при этом представляется, что «другими чрезвычайными обстоятельствами в международных отношениях» можно считать установление режимов ограничительных мер в отношении Российской Федерацией группой иностранных государств (в том числе Украиной) и иностранных государственных объединений (в части оказания воздействия (в том числе в рамках нарушения и возможного нарушения экономической безопасности России) на Российскую Федерацию с целью обеспечения изъятия Республики Крым и города федерального значения Севастополь из юрисдикции России).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Кошкин А.П., Атоян Т.Г. Взаимодействие российской власти и бизнеса в условиях санкций // Власть. — 2015. — № 1.
- [2] Николаев В.П. Австралийский вариант: санкции против России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. — 2014. — № 25.
- [3] Скрыль Т.В. Эффект потерь от введения санкций в глобальной экономике // Вестник Международного института экономики и права. — 2014. — № 2 (15).

THE POLITIC AND LEGAL ANALYSIS OF SOME INTEGRATION ASSOCIATIONS AND NATIONS RESTRICTIVE MEASURES AGAINST RUSSIAN FEDERATION, RUSSIAN CITIZENS AND ENTITIES

A.A. Klishas

The Department of Constitutional Law and Constitutional Proceedings
Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

The political and legal analysis of a complex of the restrictive measures (sanctions) imposed on the Russian Federation and its citizens and legal entities concerning acceptance to the structure of Russia the Republic of Crimea and the city of Sevastopol as new subjects of the Russian Federation — the Republic of Crimea and the city of federal significance Sevastopol, on the basis of results of will of inhabitants of the peninsula of Crimea, by some integration associations and the foreign states such as the European Union, the United States of America, the Swiss Confederation, the Australian union, is provided in the article. The restrictive measures entered by Russia concerning a number of the foreign states and being «reciprocal» and directed on prevention of further development of deterioration of the interstate relations are also considered in the article. The author notes that the restrictive measures imposed by the states, as a rule, have a negative impact in the first place, it is for the states that impose such sanctions measures, thus, aiming to change the political vector of a State. The article concludes that despite some positive trends in the development of Russia's political, economic and social spheres in the framework of the «sanctions regime», the majority of politicians of the Russian Federation expects to resolve the situation through diplomatic dialogue on the basis of the positions of rationality in the approach to building bilateral relations, as well as with only in the framework of respect for international law principles and norms.

Key words: Russian Federation, European Union, United States of America, rationing arrangements, sanctions.

REFERENCES

- [1] *Koshkin A.P., Atoyán T.G.* Vzaimodejstvie rossijskoj vlasti i biznesa v usloviyah sankcij [Interaction between the Russian Government and Business under the sanctions] // *Vlast'* [The Power]. — 2015. — No. 1.
- [2] *Nikolaev V.P.* Avstralijskij variant: sankcii protiv Rossii [Sanctions against Russia: Australian version] // *YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South East Asia: Actual problems of Development]. — 2014. — No. 25.
- [3] *Skryl' T.V.* EHffekt poter' ot vvedeniya sankcij v global'noj ehkonomie [The effect of losses from the imposition of sanctions in the global economy] // *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ehkonomiki i prava* [Herald of International Institute of Economics and Law]. — 2014. — No. 2 (15).

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ (2016–2030): МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

**А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев, Е.В. Киселева,
А.Е. Конева, Д.А. Круглов**

Кафедра международного права
Юридический институт Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В 2015 г. закончился срок достижения Целей развития тысячелетия (ЦРТ), сформулированных в Декларации тысячелетия ООН в 2000 г. По ряду показателей некоторые цели были достигнуты. В сентябре 2015 г. международное сообщество утвердило новую повестку дня в области устойчивого развития на период 2016–2030 гг. — «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой определены 17 Целей в области устойчивого развития (ЦУР), сопровождаемых 169 задачами, вновь подтверждены обязательства в отношении глобального партнерства в целях развития и определены базовые принципы подотчетности за осуществление поставленных целей. В рамках настоящего исследования авторы критически проанализировали ЦУР с целью выявить проблемные аспекты их выполнения в области защиты прав человека, защиты окружающей среды, снижения риска бедствий и регулирования миграции, а также предложить соответствующие пути решения. Проводится мысль, что на современном этапе представляется важным в рамках глобальных усилий по осуществлению ЦУР уделить более пристальное внимание механизмам контроля над достижением поставленных задач. В этом смысле значительный вклад может внести проведение соответствующих обзоров на уровне межрегиональных, региональных и субрегиональных организаций, что обеспечит диверсифицированные, надежные и проверенные средства измерения прогресса в достижении ЦУР. В статье делается вывод, что необходимо разработать и подписать соответствующие соглашения между региональными и субрегиональными образованиями, создать рабочие группы по координации с целью выявления наиболее проблемных областей и определения форм сотрудничества, выработать «дорожную карту» дальнейшего сотрудничества универсальных, межрегиональных, региональных и субрегиональных механизмов в сфере достижения ЦУР.

Ключевые слова: международное право; развитие, права человека, защита прав человека, окружающая среда, защита окружающей среды, бедствия, снижение риска бедствий, миграция, международно-правовое регулирование миграции.

Проблематика развития как глобальная проблема современности появилась после получения независимости большинством колоний, когда развивающиеся страны стали упрекать развитые в отсутствии помощи со стороны последних после масштабной эксплуатации ими ресурсов первых. Одним из ответов на этот вызов со стороны мирового сообщества стала Программа развития Органи-

зации Объединенных Наций (ПРООН) — глобальная сеть учреждений системы ООН в области развития [27]. Она выступает в поддержку преобразований и предоставляет доступ к источникам знаний, практическому опыту и ресурсам в целях содействия улучшению жизни населения. ПРООН работает в 177 странах, взаимодействуя с ними в выработке их собственных решений по проблемам глобального и национального развития. В развитии собственного потенциала они опираются на опыт ПРООН и широкого круга ее партнеров.

Восьмого сентября 2000 г. на Саммите тысячелетия мировые лидеры приняли Декларацию тысячелетия ООН и договорились об установлении привязанных к конкретным срокам и поддающихся оценке Целей развития тысячелетия (ЦРТ): искоренение крайней нищеты и голода, обеспечение всеобщего начального образования, поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин, сокращение детской смертности, улучшение охраны материнства, борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими болезнями, обеспечение экологической устойчивости, формирование глобального партнерства в целях развития.

Восемь целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, были приняты как руководство к действию почти всеми странами мира и ведущими международными организациями, что позволило мобилизовать серьезные финансовые и материальные средства для оказания помощи беднейшим слоям населения. В 2005 г. Цели развития были уточнены в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. [21].

В 2015 г. закончился срок достижения ЦРТ. По ряду показателей некоторые цели были достигнуты. Масштабы крайней нищеты, по сравнению с ситуацией 1990 г., сократились вдвое — на 700 млн человек. Доступ к улучшенным источникам питьевой воды стал реальностью для 2,3 млрд человек. За период с 2000 по 2010 г. удалось предотвратить примерно 3,3 млн смертей от малярии, а от туберкулеза было спасено 22 млн человек. С 1995 г. доступ к средствам антиретровирусной терапии (АРТ) для ВИЧ-инфицированных помог спасти 6,6 млн жизней. Улучшились показатели гендерного паритета в области охвата начальным образованием, доступа к услугам по охране здоровья матери и ребенка [11]. В соответствии с одной из восьми ЦРТ — «формирование глобального партнерства для достижения Целей развития тысячелетия» — многие африканские страны получили больше доступа к международным рынкам, технологиям и лекарствам. Некоторые из них избавились от непомерного долгового бремени.

Вместе с тем темпы движения по пути к достижению ЦРТ были неодинаковыми как при сопоставлении различных стран, так и в отдельно взятых странах. Большинство африканских стран не справилось с достижением целей. Страны, в которых проходит или закончился конфликт, сталкивались с наибольшими трудностями в достижении любой из этих целей. Широкие масштабы нищеты сохраняются в странах Африки к югу от Сахары. Дети из малоимущих и сельских семей имеют меньше шансов попасть в школу, чем их обеспеченные или живущие в городах сверстники. Население стран Африки к югу от Сахары, которые в наибольшей степени затронуты ВИЧ, не имеет сколько-нибудь пол-

ной информации о лекарствах для лечения и профилактики этой болезни и доступа к таким лекарствам. Нельзя оставить без внимания особые проблемы и потребности малых островных развивающихся государств и развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, многие из которых оказались не в состоянии достичь ЦРТ. С особыми трудностями в достижении целей сталкивались народы, живущие под иностранной оккупацией, народы, живущие в районах, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций гуманитарного характера, и в районах, страдающих от актов терроризма. Кроме того, специфические трудности в рассматриваемом аспекте испытывали многие страны со средним уровнем дохода [16].

Такое положение дел обусловлено в том числе тем фактом, что развитые в экономическом и финансовом плане страны не смогли сдержать свои обещания по оказанию официальной помощи на цели развития. С одной стороны, за период 2000–2014 гг. чистый объем официальной помощи в целях развития, предоставленной странами — членами Комитета содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), увеличился на 66%, а с другой стороны, после достижения в 2013 г. абсолютного максимума, в 2014 г. совокупный чистый объем составил 135,2 млрд долларов США, то есть уменьшился в реальном выражении. Как справедливо напомнила администратор ПРООН Хелен Кларк, промышленно развитые страны пообещали к 2013–2015 гг. довести размеры официальной помощи до 0,7% от валового национального дохода (ВНД). Однако далеко не все государства справились с этой задачей, и в результате официальная помощь на цели развития составляет сегодня только 0,29% от коллективного ВНД промышленно развитых государств. В 2014 г. только пять стран — Дания, Люксембург, Норвегия, Великобритания и Швеция — смогли достичь показателя в размере 0,7% от ВНД. «Если бы все промышленно развитые страны выполнили свои обязательства, то сумма официальной помощи на цели развития в 2014 г. составила бы 326 млрд долларов США, а не 135,2 млрд» [8], — подчеркнула Хелен Кларк.

В сентябре 2015 г. международное сообщество утвердило новую повестку дня в области устойчивого развития на период 2016–2030 гг. — «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [22], в которой определены 17 Целей в области устойчивого развития (ЦУР), сопровождаемых 169 задачами, вновь подтверждены обязательства в отношении глобального партнерства в целях развития и определены базовые принципы подотчетности за осуществление поставленных целей.

Новая повестка дня, которая будет служить ориентиром при принятии решений по борьбе с глобальными вызовами на протяжении последующих 15 лет, содержит ряд проблемных аспектов, которые требуют соответствующего реагирования со стороны всего мирового сообщества. Выявленным аспектам и возможным путям их устранения и посвящена настоящая статья.

В последнее время ООН наращивает непосредственное взаимодействие с академическими кругами стран мира в целях обогащения Политического форума ООН высокого уровня, учрежденного в 2012 г., краткими, научно обоснованными

ванными и опирающимися на отрецензированные научные публикации обзорами, в которых ученые мира могут обратить внимание политиков на те или иные проблемы, связанные с достижением целей развития, результаты своих исследований в смежных областях или возможные решения актуальных проблем [12; 14]. Кафедра международного права РУДН подготовила и отправила такой обзор для учета его в 2016 г., и настоящая статья представляет собой расширенную версию обзора.

ЦУР и защита прав человека

Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. зиждется на международных нормах защиты прав человека. Соответственно, ЦУР согласуются с данными нормами. Вместе с тем, при детальном анализе целевых показателей ЦУР представляется возможным выделить ряд несоответствий между новой повесткой дня и универсальными правозащитными стандартами.

Так, в рамках Цели 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» предусмотрена задача 5.6 «Обеспечить всеобщий доступ к услугам в области охраны сексуального и репродуктивного здоровья и к реализации репродуктивных прав». Данная задача касается понятия «сексуальных и репродуктивных прав», которое на данный момент не закреплено в международном праве, и относительно содержания которого государства не достигли согласия. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, наблюдающий за выполнением Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., разработал Проект замечания общего порядка о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье, которое, как ожидается, будет принято в ходе сессии Комитета в 2016 г. [26]. В этой связи важно, чтобы мероприятия по реализации указанной задачи опирались на авторитетное толкование, даваемое Комитетом в его замечаниях общего порядка [2; 3], в том числе в отношении права на здоровье [13], включая сексуальное и репродуктивное здоровье.

Некоторые задачи предусматривают необходимость принятия мер в соответствии с национальным правом, не указывая при этом на важность соблюдения международных норм в соответствующих областях. Так, в рамках вышеуказанной Цели 5 обозначена задача 5.а «Провести реформы в целях предоставления женщинам равных прав на экономические ресурсы, а также доступа к владению и распоряжению землей и другими формами собственности, финансовым услугам, наследуемому имуществу и природным ресурсам в соответствии с национальными законами». Также в рамках Цели 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях» не совсем однозначно сформулирована задача 16.10 «Обеспечить доступ общественности к информации и защитить основные свободы в соответствии с национальным законодательством и международными соглашениями». В контексте реализации названных задач крайне важно учитывать положения ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. о том, что «участник не

может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора», и должен соблюдать международные обязательства, взятые государствами по соответствующим международным договорам добросовестно.

В рамках Цели 6 «Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех» выделяется задача 6.2 «Обеспечить всеобщий и равноправный доступ к надлежащим санитарно-гигиеническим средствам и положить конец открытой дефекации, уделяя особое внимание потребностям женщин и девочек и лиц, находящихся в уязвимом положении». Средства осуществления задачи по ликвидации открытой дефекации в повестке дня не указываются. В этом отношении важно предусмотреть, чтобы меры в данном направлении были сосредоточены на создании необходимых условий (в том числе строительство туалетов), а не сводились к принятию законодательства, криминализирующего открытую дефекацию, что могло бы негативно сказаться на положении беднейших слоев населения (их криминализации).

Следует обратить внимание на Цель 4 «Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех», а именно на задачу 4.1 «Обеспечить, чтобы все девочки и мальчики завершали получение бесплатного, равноправного и качественного начального и среднего образования, позволяющего добиться востребованных и эффективных результатов обучения». При этом задача 17.16 указывает на укрепление «глобального партнерства в интересах устойчивого развития, дополняемого партнерствами с участием многих заинтересованных сторон, которые мобилизуют и распространяют знания, опыт, технологии и финансовые ресурсы с тем, чтобы поддерживать достижение целей в области устойчивого развития во всех странах, особенно в развивающихся странах». В рамках реализации задач 4.1 и 17.16 важно следовать обязательствам государств в отношении права на образование и регулирования деятельности государственно-частных партнерств в сфере образования, чтобы не допустить создания каких-либо партнерств, способных ослабить или поставить под угрозу бесплатное образование. «Государственно-частные партнерства в сфере образования должны быть лишены возможности ставить под угрозу образование как общественную идею» [18. Para. 118].

В целом, учитывая вышеуказанные сложности, важно предусмотреть, чтобы мероприятия по осуществлению ЦУР были основаны на соглашениях государств, зафиксированном в международных договорах по правам человека, и на авторитетном толковании положений данных договоров, даваемом договорными органами по правам человека.

Осуществляя контроль над выполнением международных обязательств государств по правам человека во всем мире, специальные процедуры ООН, Совет ООН по правам человека [1], договорные органы по правам человека должны обращать внимание государств на те аспекты, которые требуют разъяснения с точки зрения соответствия ЦУР и правозащитных норм с учетом специфики

сферы деятельности данных механизмов, а также предоставлять государствам руководства в том, как устранить и предотвратить такого рода расхождения.

Договорным органам по правам человека в целях обеспечения эффективного осуществления ЦУР при соблюдении прав человека может быть рекомендовано включать вопросы, которые касаются осуществления конкретных ЦУР, в список вопросов и тем, адресуемый государствам-участникам, после направления ими периодических докладов, а также в перечень вопросов до представления докладов в рамках упрощенной процедуры представления докладов.

Специальным процедурам, мандаты которых напрямую касаются достижения определенных ЦУР, в рамках осуществления визитов в государства — члены ООН следует изучать меры, принимаемые соответствующими государствами, направленными на достижение ЦУР и их задач.

Более того, специальные процедуры и договорные органы по правам человека могут инициировать разработку и принятие совместных заявлений по данным вопросам, а договорные органы по правам человека могут рассмотреть возможность разработки совместных замечаний общего порядка.

ЦУР и защита окружающей среды

С начала активной индустриализации в 1950-х гг. ученые предупреждали общественность о быстром росте концентрации парниковых газов в атмосфере, обезлесении и вымирании отдельных видов флоры и фауны.

Защита окружающей среды является одним из столпов концепции устойчивого развития и нашла свое отражение во многих целях и задачах стратегического документа «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В частности, задача 12.8 гласит: «К 2030 году обеспечить, чтобы люди во всем мире располагали соответствующей информацией и сведениями об устойчивом развитии и образе жизни в гармонии с природой». Это подразумевает углубление понимания гармоничной и сбалансированной связи между человеческой деятельностью и экологически устойчивым образом жизни на основе устойчивого потребления и производства. В рамках настоящего исследования хотелось обратить внимание на следующие вопросы.

В целях повышения уровня защиты окружающей среды, мирного разрешения экологических споров, повышения эффективности механизмов защиты экологических прав человека, поддержания концепции *rule of law* крайне важной представляется Цель 16 в части обеспечения доступа к правосудию для всех и создания эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях (особенно задачи 16.3, 16.6, 16.7, 16.8, 16.10 и 16a). Для решения указанных задач необходимо: 1) расширить действие Орхусской конвенции 1998 г., показавшей свою эффективность в Европе, на все государства мира (это возможно исходя из ст. 19.2 Орхусской конвенции) [9. С. 130–135]; 2) собирать наилучшую практику государств по деятельности национальных экологических судов и рекомендовать их создание государствам, где еще не созданы такие суды; 3) создать международный экологический суд при системе ООН [17].

Для придания эффективности ЦУР представляется важным наладить обмен информацией на системной основе между секретариатами глобальных международных экологических соглашений [15] и контрольными механизмами ЦУР. Также видится важным для сбора более точной информации об экологической обстановке в мире использовать механизмы ООН по сотрудничеству в сфере космических исследований [10. С. 136]. В целом использование космических геопространственных данных играет незаменимую роль в контексте изменения климата, охраны окружающей среды и управления природными ресурсами, в том числе водными. В этой сфере используются космические технологии для отслеживания процессов и тенденций в глобальном масштабе с целью принятия обоснованных решений и совместной координации наблюдений Земли международными организациями и органами, государствами посредством использования глобальных систем наблюдения за климатом, океанами и сушей.

ЦУР и снижение риска бедствий

Проблематике уменьшения риска бедствий в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. уделено значительное внимание (Цель 1 (задача 1.5), Цель 2 (задача 2.4), Цель 11 (задачи 11.5, 11.b) и Цель 13 (задача 13.1)), что представляется чрезвычайно важным с учетом сохранения негативной тенденции увеличения числа и масштабов бедствий и вызываемых ими разрушительных последствий, которая в значительной степени усугубляется процессом изменения климата [24].

За последние пятнадцать лет, то есть с января 2000 г. по январь 2016 г., на планете произошло более 6500 стихийных бедствий, в результате которых погибло более 1,2 млн человек, около 4,3 млн человек получили увечья, а более 35 млн — потеряли дома. Общий экономический ущерб в результате бедствий по средним оценкам превысил 1,7 трлн долл. США [25]. По данным ООН, стихийные бедствия ежегодно затрагивают около 200–230 млн человек, а экономические потери составляют примерно 250–300 млрд долл. США в год [20. Р. 9]. Неслучайно, что в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. все более частые, более масштабные и разрушительные стихийные бедствия причисляются к глобальным угрозам современности [22. Р. 6].

Приветствуя все инициативы по снижению риска бедствий, предпринимаемые в рамках системы ООН, иных международных правительственных и неправительственных организаций и на национальном уровне, следует констатировать необходимость дальнейшего расширения международного сотрудничества в рассматриваемой области, в том числе путем укрепления институциональных основ такого сотрудничества.

Учитывая, что в большинстве случаев человечество не в силах противодействовать стихийным бедствиям, таким, например, как землетрясения, извержения вулканов или цунами, необходимо принимать действенные меры по повышению потенциала экстренного реагирования на бедствия и оказания международной помощи при ведении аварийных и поисково-спасательных работ, эффективному оказанию гуманитарной помощи, укреплению устойчивости и безопасности городов и населенных пунктов, по распространению точной ин-

формации о бедствии среди населения, подверженного риску, на что, в частности, указывалось еще в 1992 г. в Повестке дня на XXI век [19. Paras. 7.55–7.66]. Для достижения ЦУР 11 (задачи 11.5, 11.b), тесно взаимосвязанной с положениями Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 гг. [23], представляется целесообразным функционирование в рамках ООН специализированной структуры, отвечающей за широкое содействие планированию, развитию инфраструктуры городов и населенных пунктов, исследование их уязвимостей и различных потенциальных угроз и рисков в целях повышения безопасности в случаях стихийных бедствий. Для формирования и функционирования такой структуры важное значение будет иметь опыт, накопленный Бюро ООН по снижению риска бедствий (UNISDR), а также в рамках, например, инициативы «Миллион защищенных школ и больниц», кампании «Повышение устойчивости городов к бедствиям: мой город готовится» и Программы ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат). Благодаря созданию такой структуры, участию в ее работе широкого круга экспертов, в дальнейшем будет возможно выработать обязательные для государств стандарты по повышению устойчивости и безопасности городов и населенных пунктов в случаях бедствий, которые могут касаться, например, требований к методам, технологиям и средствам строительства зданий и сооружений, устойчивых к воздействию стихийных бедствий, застройки безопасных районов для постепенного переселения людей в случае существования потенциальных угроз, определения мест размещения объектов и предприятий, которые в случае масштабных бедствий могут представлять дополнительную опасность, и т.п.

Одним из ключевых элементов обеспечения устойчивости городов и населенных пунктов в случаях бедствий является функционирование систем раннего оповещения о бедствиях. Важную роль в этом играют космические технологии. Использование космической техники, такой как спутниковые системы наблюдения Земли, метеорологии, навигации и телекоммуникаций, играет существенную роль в области предупреждения, преодоления последствий бедствий, оказания помощи при ведении аварийных и поисково-спасательных работ и т.д. [7. С. 262–274]. Космическая наука и техника и их применение в значительной степени способствовали достижению ЦРТ на 2001–2015 гг.

В свете того, что в ЦУР 11 (задача 11.b) закреплено положение о принятии мер по реализации положений Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий, следует отметить, что в самой Сендайской рамочной программе действий не только признается значение космических технологий для предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и экстренного реагирования, но и в трех ее положениях (24 (с), 24 (f), 25 (с)) содержатся указания на важность использования данных, которые предоставляются космическими платформами, осуществляющими сбор и распространение космической информации.

В условиях наличия ряда инициатив, предпринимаемых на универсальном и региональном уровнях и направленных на использование спутниковых данных в целях содействия предупреждению и преодолению последствий бедст-

вий, во избежание дублирования функций и финансовых затрат представляется целесообразным создание единого механизма, объединяющего возможности всех стран и организаций, осуществляющих космическую деятельность, единого центра, занимающегося сбором, обработкой и оперативным распространением полученной в результате космической деятельности информации, необходимой для экстренного оповещения о бедствиях, эффективной координации усилий по смягчению и преодолению их последствий. В создании такой централизованной структуры значительную роль может сыграть учрежденное по итогам Третьей Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий 2015 г. Глобальное партнерство по наблюдению Земли, являющееся инициативой Управления ООН по вопросам космического пространства, его программы СПАЙДЕР-ООН и других партнеров. Дальнейшее укрепление институциональных основ в области использования космических технологий для снижения рисков бедствий важно не только для достижения основной цели и решения задач, определенных в Сендайской рамочной программе, но и будет в значительной степени способствовать достижению ЦУР, в особенности ЦУР 1 (задача 1.5), ЦУР 2 (задача 2.4), ЦУР 11 (задачи 11.5, 11.b) и ЦУР 13 (задача 13.1).

ЦУР и международно-правовое регулирование миграции

К настоящему моменту между государствами сложилось единое мнение о значительном потенциале миграции в деле достижения целей развития. Это отражено как в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г. (п. 61–63), так и в Декларации 2015 г. (п. 29) [5. С. 38–49]. Однако в официальных перечнях показателей достижения Целей развития тысячелетия (действовавших с 8 сентября 2003 г. по 15 января 2008 г. и с 15 января 2008 г. до 25 сентября 2015 г.) миграция не упоминалась, хотя в иных документах признавалась значимой для реализации поставленных целей [6. С. 131–141]. Представляется чрезвычайно важным конкретизировать связанные с миграцией показатели достижения Целей в области устойчивого развития (особенно 10с и 17.18) через установление соответствующих индикаторов.

Приветствуя включение в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. некоторых новых аспектов, как, например, распространение обязанностей обеспечить качественное инклюзивное и равноправное образование на всех уровнях, в том числе на мигрантов (п. 25 Декларации), или увязывание упорядоченной, безопасной, законной и ответственной миграции с сокращением неравенства внутри стран и между ними (Цель 10 и 10с), выражаем озабоченность рядом упущений нынешней повестки дня в сравнении с ее предшественницей: отсутствие специального упоминания о решимости государств бороться с проявлениями расизма и ксенофобии (как было в п. 25 раздела V Декларации тысячелетия), замена положения о решимости государств «укреплять международное сотрудничество, включая совместное несение бремени гуманитарной помощи странам, принимающим беженцев, и ее координацию» (п. 26 раздела VI Декларации тысячелетия) на гораздо более туманное положение о том, что «сотрудничество должно также укреплять жизнестойкость общин, принимающих беженцев, особенно в развивающихся странах» (п. 29 Декларации

ции 2015 г.). Надеемся, что столь важные обязательства найдут свое внятное развитие в конкретизирующих новую повестку дня документах.

Отдельно стоит упомянуть необходимость выработки прозрачных и комплексных индикаторов достижения Цели 17.18 относительно данных, мониторинга и подотчетности в отношении развивающихся стран, в том числе наименее развитых и малых островных развивающихся государств. Представляется критически важным [4. С. 40–47] для осуществления последующей деятельности и обзора в соответствии с заявленными принципами (в частности, принципом, отраженным в п. 74g) отслеживать информацию о перечне данных, упомянутых в п. 17.18 Целей и п. 74g Последующей деятельности и обзора, собираемых не всеми государствами мира (а потому ставящих под сомнение достоверность обобщаемых на региональном и универсальном уровне показателей), о наличии и выполнении конкретных программ наращивания потенциала по каждому из показателей каждой из развивающихся стран, в том числе наименее развитыми и малыми островными развивающимися государствами. Представляется также важным для четкости картины о состоянии дел в социально-экономической, демографической сферах разработать более четкие критерии группировки государств и технические возможности использования множественных фильтров при анализе имеющихся дезагрегированных данных, например, не только по странам с высоким или низким уровнем дохода, или странам, расположенным в Азии или Европе, но развивающимся странам с высоким уровнем дохода или странам Восточной Европы, включая или исключая Россию [4. С. 40–47].

Заключение

На современном этапе представляется важным в рамках глобальных усилий по осуществлению ЦУР уделить более пристальное внимание механизмам контроля над достижением поставленных задач. В этом смысле значительный вклад может внести проведение соответствующих обзоров на уровне межрегиональных, региональных и субрегиональных организаций, что обеспечит диверсифицированные, надежные и проверенные средства измерения прогресса в достижении ЦУР. Такие обзоры будут выявлять региональные тенденции, причины возникновения проблем, общих черт, содействовать обмену передовым опытом, извлечению уроков и выработке решений и мер взаимной поддержки на глобальном уровне с учетом особых региональных или субрегиональных потребностей.

При этом существование различных международных органов и организаций как на универсальном, межрегиональном, региональном, так и на субрегиональном уровне усложняет задачу создания эффективной системы экономического развития. В связи с этим возникает необходимость усиления процесса координации между ними для избежания фрагментации и дублирования их функций, а также обеспечения устойчивого согласованного развития. В связи с этим необходимо разработать и подписать соответствующие соглашения между региональными и субрегиональными образованиями, создать рабочие группы по координации с целью выявления наиболее проблемных областей и определения

форм сотрудничества, выработать «дорожную карту» дальнейшего сотрудничества универсальных, межрегиональных, региональных и субрегиональных механизмов в сфере достижения ЦУР.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Абашидзе А.Х., Гольпяев А.О.* Универсальные механизмы защиты прав человека: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». — М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2013.
- [2] *Абашидзе А.Х., Конева А.Е.* Договорные органы по правам человека: учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: РУДН, 2015.
- [3] *Абашидзе А.Х., Конева А.Е., Солнцев А.М.* Международная защита экономических, социальных и культурных прав человека: программа курса. — М.: РУДН, 2015.
- [4] *Киселева Е.В.* Международно-правовое значение статистики миграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2015. — № 4.
- [5] *Киселева Е.В.* Международно-правовое регулирование миграции: история и современность: монография. — М.: РУДН, 2015.
- [6] *Киселева Е.В., Кажаява О.С.* Правозащитный подход к миграции и Цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6.
- [7] *Круглов Д.А.* Международно-правовые аспекты использования космических технологий в деле предупреждения и преодоления последствий бедствий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. — 2014. — № 3.
- [8] Лишь пять богатых стран выполнили свои обещания по оказанию официальной помощи в целях развития. Центр новостей ООН. 18 сентября 2015 г. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=24478#Vf7NixG8PGc>.
- [9] *Солнцев А.М.* Вклад Орхусской конвенции 1998 года в защиту прав человека // Современное право. — 2014. — № 7.
- [10] *Солнцев А.М.* Использование космических средств для целей охраны окружающей среды // Современные проблемы международного космического, воздушного и морского права: материалы круглого стола XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения». Москва, 11 апреля 2015 г. / отв. ред. А.Х. Абашидзе, А.М. Солнцев. — М.: РУДН, 2015.
- [11] Цели развития тысячелетия: доклад за 2014 год. — ООН, Нью-Йорк, 2014. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf>.
- [12] Call for contributions to the UN Global Sustainable Development Report 2016. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/8541Call_for_briefs_2016_ENGLISH_rev4.pdf.
- [13] Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment 14. The right to the highest attainable standard of health (article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) // UN Doc. E/C.12/2000/4.
- [14] Crowdsourced briefs. Sustainable development knowledge platform. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/topics/science/crowdsourcedbriefs>.
- [15] *Desa Bharat H.* Multilateral Environmental Agreements Legal Status of the Secretariats. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- [16] Outcome document of the special event to follow up efforts made towards achieving the Millennium Development Goals. 1 October 2013 // UN Doc. A/68/L.4.
- [17] *Pedersen O.W.* An International Environmental Court and International Legalism // Journal of Environmental Law. — 2012. — Vol. 24. — Issue 3.
- [18] Report of the Special Rapporteur on the right to education. 26 August 2015 // UN Doc. A/70/342.

- [19] Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 1992 // UN Doc. A/CONF.151/26.
- [20] Report of the United Nations Secretary-General on the work of the Organization. New York, 2015 // UN Doc. A/70/1.
- [21] Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. 2005 World Summit Outcome // UN Doc. A/RES/60/1.
- [22] Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // UN Doc. A/RES/70/1.
- [23] Resolution adopted by the General Assembly on 3 June 2015. Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030 // UN Doc. A/RES/69/283.
- [24] The Human Cost of Weather-Related Disasters 1995–2015. Report of The United Nations Office for Disaster Risk Reduction and Centre for Research on the Epidemiology of Disasters Institute of Health and Society Université Catholique de Louvain (UCL), 2015.
- [25] The International Disaster Database — EM-DAT. URL: <http://www.emdat.be/database>.
- [26] UN Doc. E/C.12/53/R.Z.
- [27] United Nations Development Programme. URL: <http://www.undp.org/content/undp/en/home.html>.

ACHIEVEMENT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS (2016–2030): INTERNATIONAL LEGAL DIMENSION

**A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev, E.V. Kiseleva,
A.E. Koneva, D.A. Kruglov**

The Department of International Law
Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

In 2015 the term for the achievement of Millennium Development Goals (MDGs), set forth in the 2000 United Nations Millennium Declaration, has expired. In certain aspects some of these goals have been achieved. In September 2015 the international community has adopted the new Agenda for Sustainable Development for the period of 2016–2030 — «Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development», which determines 17 Sustainable Development Goals (SDGs) and 169 targets, reaffirms the obligations in relation to global partnership for sustainable development and sets out the basic principles of accountability for the implementation of these goals. In frames of this research the authors make an attempt to critically analyze the SDGs and their targets with the aim of identifying the problematic aspects of their implementation in the area of human rights protection, environmental protection, disaster risk reduction and regulation of migration, as well as propose relevant solutions. Carried out the idea that at the current stage it is important in worldwide efforts to implement the SDGs to pay more attention to the mechanisms of control over the achievement of the objectives. In this sense, a significant contribution can make a compliance review at the level of inter-regional, regional and subregional organizations that provide diversified, reliable and proven tools to measure progress in achieving the SDGs. In the article it is concluded that it is necessary to develop and sign the relevant agreements between the regional and subregional entities, to create a working group to coordinate in order to identify the most problematic areas and determine the forms of cooperation, to develop a «roadmap» for further cooperation of the universal, inter-regional, regional and subregional mechanisms in SDGs field achievements.

Key words: international law, development, human rights, human rights protection, environment, protection of environment, disasters, disaster risk reduction, migration, international legal regulation of migration.

REFERENCES

- [1] *Abashidze A.Kh., Gol'tyaev A.O.* Universal'nye mekhanizmy zaschity prav cheloveka: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayuschikhsya po spetsial'nosti «Yurisprudentsiya». — M.: YuNITI–DANA, 2013. [Abashidze A.Kh., Gol'tyaev A.O. Universal human rights mechanisms: Course book for students studying in speciality “Jurisprudence”. Moscow: UNITI-DANA, 2013].
- [2] *Abashidze A.Kh., Koneva A.E.* Dogovornye organy po pravam cheloveka: uchebnoe posobie. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: RUDN, 2015. [Abashidze A.Kh., Koneva A.E. Human Rights Treaty Bodies: Course book. — 2nd ed., revised and updated. — Moscow: RUDN, 2015].
- [3] *Abashidze A.Kh., Koneva A.E., Solntsev A.M.* Mezhdunarodnaya zaschita ekonomicheskikh, sotsial'nykh i kul'turnykh prav cheloveka: programma kursa. — M.: RUDN, 2015. [Abashidze A.Kh., Koneva A.E., Solntsev A.M. International protection of economic, social and cultural rights: Course programme. — Moscow: RUDN, 2015].
- [4] *Kiseleva E.V.* Mezhdunarodno-pravovoe znachenie statistiki migratsii // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. — 2015. — № 4. [Kiseleva E.V. Migration statistics' significance for international law // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Law. — 2015. — N 4].
- [5] *Kiseleva E.V.* Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie migratsii: istoriya i sovremennost': monografiya. — M.: RUDN, 2015. [Kiseleva E.V. International legal regulation of migration: History and modernity. Monograph. — Moscow: RUDN, 2015].
- [6] *Kiseleva E.V., Kazhaeva O.S.* Pravozaschitnyy podkhod k migratsii i Tseli razvitiya tsysyacheletiya // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2015. — № 6. [Kiseleva E.V., Kazhaeva O.S. A human rights approach to migration and the Millennium Development Goals // the Russian legal journal. — 2015. — N 6].
- [7] *Kruglov D.A.* Mezhdunarodno-pravovye aspekty ispol'zovaniya kosmicheskikh tekhnologiy v dele preduprezhdeniya i preodoleniya posledstviy bedstviy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. — 2014. — № 3. [Kruglov D.A. International legal aspects of using space technologies in disaster management // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Law. — 2014. — N 3].
- [8] Lish' pyat' bogatykh stran vypolnili svoi obeschaniya po okazaniyu ofitsial'noy pomoschi v tselyakh razvitiya. Tsentr novostey OON. 18 sentyabrya 2015 g. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=24478#.Vf7NixG8PGc>. [Only five rich countries have kept their promises to provide official development assistance. UN News Centre. September 18, 2015. Available at: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?newsID=24478#.Vf7NixG8PGc>].
- [9] *Solntsev A.M.* Vklad Orkhusskoy konventsii 1998 goda v zaschitu prav cheloveka // Sovremennoe pravo. — 2014. — № 7. [Solntsev A.M. Contribution of the 1998 Aarhus Convention for the protection of human rights // Contemporary law. — 2014. — N 7].
- [10] *Solntsev A.M.* Ispol'zovanie kosmicheskikh sredstv dlya tseyey okhrany okruzhayushey sredy // Sovremennye problemy mezhdunarodnogo kosmicheskogo, vozdushnogo i morskogo prava: materialy kruglogo stola XIII Mezhdunarodnogo kongressa «Blischenkovskie chteniya». Moskva, 11 aprelya 2015 g. / otv. red. A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev. — Moskva: RUDN, 2015. [Solntsev A.M. The use of space vehicles for environmental purposes // Modern problems of international space, air and sea law: The materials of the round table of the XIII International Congress «Blischenkovskie readings». Moscow, April 11, 2015 / eds. A.Kh. Abashidze, A.M. Solntsev. — Moscow: RUDN, 2015].
- [11] Tseli razvitiya tsysyacheletiya: doklad za 2014 god. OON, N'yu-York, 2014. URL: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf>. [The Millennium Development

- Goals Report 2014. UN, New York, 2014. Available at: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/pdf/Russian2014.pdf>].
- [12] Call for contributions to the UN Global Sustainable Development Report 2016. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/8541Call_for_briefs_2016_ENGLISH_rev4.pdf.
- [13] Committee on Economic, Social and Cultural Rights. General Comment 14. The right to the highest attainable standard of health (article 12 of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights) // UN Doc. E/C.12/2000/4.
- [14] Crowdsourced briefs. Sustainable development knowledge platform. Available at: <https://sustainabledevelopment.un.org/topics/science/crowdsourcedbriefs>.
- [15] *Desa Bharat H.* Multilateral Environmental Agreements Legal Status of the Secretariats. — Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- [16] Outcome document of the special event to follow up efforts made towards achieving the Millennium Development Goals. 1 October 2013 // UN Doc. A/68/L.4.
- [17] *Pedersen O.W.* An International Environmental Court and International Legalism // *Journal of Environmental Law*. — 2012. — Vol. 24. — Issue 3.
- [18] Report of the Special Rapporteur on the right to education. 26 August 2015 // UN Doc. A/70/342.
- [19] Report of the United Nations Conference on Environment and Development. Rio de Janeiro, 1992 // UN Doc. A/CONF.151/26.
- [20] Report of the United Nations Secretary-General on the work of the Organization. New York, 2015 // UN Doc. A/70/1.
- [21] Resolution adopted by the General Assembly on 16 September 2005. 2005 World Summit Outcome // UN Doc. A/RES/60/1.
- [22] Resolution adopted by the General Assembly on 25 September 2015. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development // UN Doc. A/RES/70/1.
- [23] Resolution adopted by the General Assembly on 3 June 2015. Sendai Framework for Disaster Risk Reduction 2015–2030 // UN Doc. A/RES/69/283.
- [24] The Human Cost of Weather-Related Disasters 1995-2015. Report of The United Nations Office for Disaster Risk Reduction and Centre for Research on the Epidemiology of Disasters Institute of Health and Society Université Catholique de Louvain (UCL), 2015.
- [25] The International Disaster Database — EM-DAT. Available at: <http://www.emdat.be/database>.
- [26] UN Doc. E/C.12/53/R.Z.
- [27] United Nations Development Programme. Available at: <http://www.undp.org/content/undp/en/home.html>.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

А.В. Колесников

Прокуратура Еврейской автономной области
ул. Шолом-Алейхема, 37а, Биробиджан, Россия, 679000

Статья посвящена теоретическому аспекту использования результатов оперативно-розыскной деятельности при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности. Дается авторское определение преступления, совершенного в условиях неочевидности. Предложены практические рекомендации, направленные на совершенствование уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства. Проведен сравнительный анализ использования результатов оперативно-розыскной деятельности в странах англо-саксонской и континентальной семей права. Автор отмечает, что с точки зрения теории уголовного процесса результаты оперативно-розыскной деятельности, в частности связанные с преступлениями против личности, совершенных в условиях неочевидности, собираются для дальнейшей проверки и оценки с точки зрения возможности применения в качестве доказательств по уголовному делу. В результате проведенного исследования делается вывод, что основные нормативные акты, касающиеся вопросов правовой регламентации использования результатов оперативно-розыскной деятельности, не дают конкретного ответа о содержании алгоритма представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, результаты оперативно-розыскной деятельности, преступления против личности, совершенные в условиях неочевидности, агентурный источник, следователь, прокурор, судья.

Борьба с преступлениями против личности, совершенными в условиях неочевидности, по нашему мнению, является одним из самых важных направлений деятельности правоохранительных органов. На фоне преобразований, происходящих во всех сферах жизни общества, особенно актуальным становится вопрос об охране жизни, здоровья и неприкосновенности личности.

На законодательном и практическом уровнях представлено множество способов, направленных на выявление и расследование преступлений данной категории дел, среди которых одну из ключевых позиций занимает оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) и связанные с ней условия и порядок предоставления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — результаты ОРД).

На наш взгляд, очевидно, что данный термин, хотя и определен в законе, содержит некоторые неточности. К примеру, до настоящего времени не опреде-

лено, в какой процессуальной форме должны быть предоставлены эти сведения, из каких источников они должны быть получены и т.п.

Еще один нормативный правовой акт, в котором упоминается данный термин — это приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (далее — Инструкция) [19].

Изучение Инструкции позволяет сделать следующий вывод: в отличие от УПК РФ в рассматриваемом нормативном правовом акте изложен порядок предоставления именно результатов оперативно-розыскной деятельности, а не процессуальных доказательств.

Необходимо отметить то обстоятельство, что с точки зрения теории уголовного процесса результаты оперативно-розыскной деятельности, в частности связанные с преступлениям против личности, совершенных в условиях неочевидности, собираются для дальнейшей проверки и оценки с точки зрения возможности применения в качестве доказательств по уголовному делу.

Следовательно, соглашаясь с рассуждениями А.П. Рыжакова, даже в случае соблюдения урегулированного Инструкцией порядка они могут быть признаны полученными с нарушением требований УПК РФ, а значит, как недопустимые сведения не смогут обладать юридической силой уголовно-процессуальных доказательств.

Говоря о результатах оперативно-розыскной деятельности как о материальных носителях, Инструкцией предусмотрено, что они представляются в виде рапорта об обнаружении признаков преступления или сообщения о результатах ОРД (п. 6).

Законодатель предусматривает возможность приобщения к рапорту или сообщению о результатах оперативно-розыскной деятельности полученные (выполненные) при проведении оперативно-розыскных мероприятий материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, а также материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами (п. 16).

Таким образом, по нашему мнению, основные нормативные акты, касающиеся вопросов правовой регламентации использования результатов оперативно-розыскной деятельности, не дают конкретного ответа о содержании алгоритма представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Необходимо констатировать, что отсутствие закрепленного на законодательном уровне термина «результаты оперативно-розыскной деятельности» следует считать недоработкой законодателя. Между тем такая правовая неопределенность порождает на практике множество проблем, связанных с использованием результатов оперативной деятельности в рамках уголовного судопроизводства.

Теория оперативно-розыскной деятельности отличается терминологическим изобилием. Например, весьма оригинальной точки зрения придерживается Н.И. Крашенинников. Опираясь на зарубежный опыт таких стран, как США, Англия, Германия, указанный автор предлагает называть результаты оперативно-розыскной деятельности «уликами», которые, совершенно справедливо, отличаются от доказательств, которые приобрели данный статус только после проверки и оценки в соответствии с УПК РФ [14. С. 4–5].

Несколько расширительно, как нам представляется, толкует рассматриваемый термин И.Ф. Гаскаров. Под результатами оперативной деятельности данный исследователь понимает «полученные должностными лицами оперативно-розыскных органов в установленном ФЗ об ОРД порядке при осуществлении проводимых гласно или негласно ОРМ и содержащиеся в оперативно-служебных документах сведения:

- о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении, или иных событиях, создающих угрозу интересам личности, общества, государства, необходимые для выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений;

- лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания, без вести пропавших, не могущих по состоянию здоровья сообщить о себе сведения, либо сведения, касающиеся личности неопознанного трупа;

- необходимые для решения иных задач, вытекающих из содержания ч. 2, 11, 14 ст. 7 ФЗ об ОРД и возложенных на органы, осуществляющих ОРД [3. С. 11–12].

Заслуживает внимания и мнение А.В. Земсковой, которая классифицирует результаты оперативно-розыскной деятельности в зависимости от стадии проведения следствия (предварительное, судебное). Под результатами оперативно-розыскной деятельности понимаются фактические данные, сведения, информация, полученные при проведении ОРМ, предусмотренных ст. 6 ФЗ об ОРД, и способствующие установлению обстоятельств, связанных с подготавливаемым или совершенным преступлением, розыском лиц, скрывающихся от органов дознания, предварительного следствия и суда и без вести пропавших [9. С. 36].

Схожую позицию в определении результатов ОРД занимает М.П. Смирнов. Автор в своем определении делает акцент на использование результатов ОРД в иных событиях или действиях, которые прямо не предусмотрены ФЗ об ОРД или УПК РФ, но которые могут создать угрозу безопасности общественным отношениям в рамках государственной, военной, экономической или экологической сферах деятельности [21. С. 387].

А.Ю. Шумилов, раскрывая содержание понятия «результаты ОРД», детализирует источники получения такой информации. Так, указанные сведения могут быть получены:

- при осуществлении ОРМ, указанных в ст. 6 ФЗ об ОРД;
- от конфиденентов.

Такие сведения обязательно должны быть зафиксированы в материалах дел оперативного учета [25. С. 109].

Стоит отметить, что данные способы получения оперативно-розыскной информации активно используются при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности.

Обобщает в своем определении устоявшиеся точки зрения ученых [7. С. 84–87; 10. С. 15–20] по поводу результатов ОРД А.Н. Гуцин. Так, по мнению указанного автора, результаты оперативно-розыскной деятельности представляют собой оперативно-розыскную информацию, содержащуюся в справках (рапортах) оперативного сотрудника, проводившего оперативно-розыскное мероприятие, в сообщениях конфиденциальных источников, в заключениях различных предприятий, учреждений, организаций, а также должностных лиц; в фото-, киноматериалах и видеозаписях, произведенных в процессе ОРМ, в различных материальных предметах, полученных гласно или негласно при осуществлении ОРМ оперативными подразделениями государственных органов о наличии или отсутствии общественно опасного деяния, виновности лица, совершившего это деяние, и иных обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения дела [6. С. 115].

Весьма убедительной, по нашему мнению, следует считать позицию В.И. Зажицкого, который под результатами ОРД понимает фактические данные об обстоятельствах неочевидных тяжких или особо тяжких преступлениях, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, полученные органами, осуществляющую эту деятельность в рамках ведения дел оперативного учета в порядке, предусмотренном ФЗ об ОРД [8. С. 47].

Представленная формулировка косвенно обращает наше внимание на теоретические и практические особенности выявления и дальнейшего расследования преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности.

Продолжая развитие идеи о результатах оперативно-розыскной деятельности и механизме применения их в уголовном процессе, А.Л. Аганесян выделяет такие группы материалов, как:

- указывающие на место нахождения информации;
- предметы и документы, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, как связанных, так и не связанных с ограничением конституционных прав граждан;
- информация, полученная от третьих лиц и негласных сотрудников [1. С. 54].

Приведенные формулировки достаточно объемные (зачастую громоздкие). Терминологические толкования говорят об исключительной сложности оперативно-розыскной деятельности в целом, так и использовании результатов оперативно-розыскной деятельности при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, в частности, что позволяет согласиться с мнением некоторых ученых о выделении в УПК РФ специальной главы, посвященной процессуальным вопросам использования результатов ОРД.

В ФЗ об ОРД перечислены два направления использования результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Первое направление: использование результатов данной деятельности для подготовки и осуществления следственных и судебных действий (ч. 1 ст. 11 ФЗ об ОРД).

И второе: предоставление соответствующими органами данных (информации), полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу и используемых в соответствии УПК РФ для формирования доказательств.

Центральное место в науке уголовно-процессуального права отведено проблеме получения оперативно значимой информации негласными методами и последующие способы «легализации» такой информации и применения ее на стадии досудебного следствия. Данная проблема особо остро стоит при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности в связи с некоторыми особенностями самих условий совершения преступлений указанной категории дел (невозможности на первоначальном этапе расследования квалифицировать указанный вид преступного деяния, отсутствии информации о лице, его совершившем, при одновременном отсутствии очевидцев преступления или их нежелании давать свидетельские показания и т.п.).

Следует отметить, что, при весьма широком спектре противоположных мнений по данному вопросу, правоприменитель все-таки сумел прийти к единому знаменателю.

Так, Пленум Верховного Суда РФ неоднократно констатировал, что «результаты ОРМ... могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством».

Стоит учесть и то обстоятельство, что порядок предоставления результатов ОРД следователю, суду регламентируется ведомственными нормативными актами.

Интересно в этом плане отметить, что, например, «в Великобритании, Германии, и особенно в США результаты ОРД, в том числе проведенной с использованием самых разных технических средств, длительное время активно используются при избличении виновных лиц. Необходимость использования этих данных в указанных целях практически ни у кого в перечисленных государствах не вызывает сомнений» [5. С. 125].

Нам трудно согласиться с оригинальной позицией Европейского суда по правам человека, изложенной в постановлении по делу «Шенк против Швейцарии», который указал, что «использование в качестве доказательства записи, полученной нелегальным путем, является законным, так как это разрешено швейцарским законодательством». В соответствии с российским законодательством подобный факт считается недопустимым и провокационным.

Исходя из приведенной аргументации более чем обоснованным является вывод, что проблема использования оперативно-розыскной информации в доказывании по уголовным делам справедливо позиционируется отдельными учеными как чисто российская проблема [11. С. 144].

Анализ различных точек зрения сводится к тому, что некоторые исследователи определяют результаты ОРД через призму уголовно-процессуального законодательства, сводя использование результатов ОРД в рамках ст. 11 ФЗ об ОРД.

Указанный вывод, на наш взгляд, существенно сужает возможности правоохранительных органов в реализации задач, поставленных УК РФ, УПК РФ, ФЗ об ОРД [3. С. 11], особенно при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности.

Так, например, вызывает интерес точка зрения Р.С. Рыжова, который считает, что результаты ОРД «должны быть наделены особым статусом в случае использования их в доказывании. Этот статус условно можно обозначить как “альтернативные доказательства”» [20. С. 118].

Вместе с тем стоит отметить положительную тенденцию в доктрине уголовного процесса, направленную на использование результатов ОРД для решения криминалистических, прогностических, стратегических задач.

По справедливому замечанию В.М. Мешкова и В.Л. Попова, оперативная информация, полученная с нарушением уголовно-процессуального законодательства, например, полученная без указания источника ее получения, обычно применяется при выдвижении версий изучения события, выборе тактических приемов при проведении следственных действий [15. С. 51].

Не менее убедительна точка зрения Д.И. Кленова, в соответствии с которой результаты ОРД могут быть использованы: а) в процессе доказывания, б) в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, в) в качестве ориентирующей информации при принятии процессуальных решений дознавателем, следователем, прокурором; г) для принятия решения об обеспечении оперативного сопровождения расследуемого уголовного дела, д) для обеспечения защиты прав участников уголовного судопроизводства [12. С. 8].

Противоположной точки зрения придерживается Н.С. Шевелев. В рамках своего диссертационного исследования автор обосновывает использование оперативной информации в рамках выдвижения, оценки и проверки следственных и, соответственно, оперативно-розыскных версий, а также в качестве основных направлений расследования [23. С. 9].

Так, оперативная информация может быть использована, например, для обоснования следственных действий, указывать на целесообразность проведения конкретного следственного действия, определять порядок, очередность действий, их тактику, выработать оптимальную методику расследования по конкретному уголовному делу [2. С. 212] (как показывает оперативно-следственная практика по выявлению и расследованию преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, чаще всего результаты оперативно-розыскной деятельности используются при выборе методики расследования данной категории дел).

А.Л. Аганесян выделяет несколько направлений использования результатов ОРД в качестве: а) повода для возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 140 УПК РФ; б) ориентирующей информации при подготовке и проведе-

нии следственных действий, если закон не связывает такое решение с наличием доказательств; в) доказательственных сведений (фактических данных) после их получения в установленном УПК РФ порядке.

Дополнительные направления использования результатов ОРД: для принятия решений относительно допуска проверяемых лиц к определенному роду работам и документам; для принятия решений о необходимости оперативной проверки или разработки лиц, причастных к совершению противоправных действий; для принятия различных управленческих решений, имеющих уголовно-процессуальные последствия; для обоснования необходимости проведения ОРМ, связанных с ограничением конституционно охраняемых прав и свобод человека; для пополнения общенациональных и региональных банков информации об элементах и структуре преступности во всероссийском масштабе [1. С. 54].

Приведенные выше позиции относительно использования результатов ОРД сформированы по предметному признаку: в данном случае представлены разновидности конкретной деятельности (следственная, оперативная) в которой указанные результаты используются.

Использование результатов ОРД при расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, возможно классифицировать в зависимости от этапа расследования преступления (первоначальный этап и последующие этапы расследования).

Следует согласиться с абсолютно правильным мнением М.А. Удовыдченко, что перечень использования результатов ОРД при выявлении и расследовании преступлений не является исчерпывающим. Он может дополняться, детализироваться по мере развития практики и совершенствования теоретических представлений о ее тенденциях и закономерностях [22. С. 76].

В рамках нашего исследования считаем необходимым рассмотреть вопрос использования результатов ОРД при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности и их введению в уголовное судопроизводство для использования в качестве доказательств.

М.А. Лапатников выделяет несколько подходов к доказательственному значению результатов ОРД:

– ни при каких условиях доказательствами быть не могут (А.Р. Ратинов, В.Я. Дорохов и др.);

– могут и должны являться доказательствами по уголовному делу (П.А. Лупинская, А.В. Агутин и др.);

– могут стать доказательством после проверки уголовно-процессуальными средствами и в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством (С.А. Шейфер, Е.А. Доля и др.). В настоящее время этот подход воспринят законодателем и наиболее приемлем при расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности в целях пресечения возможных злоупотреблений со стороны субъектов уголовного судопроизводства при предоставлении и использовании таких результатов;

– могут выступать в качестве альтерпроцессуальной информации (альтернативных доказательств) (А.Ю. Шумилов, М.П. Поляков и др.) [15. С. 111].

Как было рассмотрено ранее, уголовно-процессуальный закон содержит определенные требования, предъявляемые к доказательствам. М.П. Котухов классифицировал данные требования следующим образом:

- содержательные требования (т.е. относимость доказательств);
- формальные требования (т.е. допустимость доказательств);
- требования, предъявляемые как к форме, так и к содержанию (т.е. достоверность) [13. С. 105].

Что касается результатов ОРД, то, по справедливому высказыванию С.А. Шейфера, указанные результаты «могут быть введены в дело не в виде любого доказательства, а только в виде вещественных доказательств и иных документов (рапорта, акты, объяснения и т.д.). Это объясняется тем, что только предметы и документы вводятся в процесс с сохранением своей первоначальной формы» [24. С. 59].

Конструкция уголовно-процессуального закона построена таким образом, что исключает возможность самостоятельного фигурирования в качестве доказательств информации полученной при осуществлении ОРД. Это значит, что любые сведения, добытые субъектами оперативно-розыскной деятельности, могут быть использованы в уголовном деле только в виде доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

Г.А. Погосян в своем диссертационном исследовании приводит два варианта закрепления результатов ОРД в досудебном следствии с учетом ст. 74 УПК РФ. Первый вариант заключается в непосредственном наблюдении оперативно-розыскного работника или лица, оказывающего ему содействие (специалист), тех или иных фактов, событий, действий, обстоятельств, имеющих значение для дела, входящие в предмет доказывания (т.е. обладающие относимостью).

Сказанное реализуемо при применении ОРМ «оперативный эксперимент», «проверочная закупка». Полученные данные могут быть введены в процесс только путем допроса соответствующего лица в качестве свидетеля. Если же в ходе указанных мероприятий использовались технические и оперативные средства, предусмотренные ч. 3 ст. 6 ФЗ об ОРД, то полученные материалы (аудиозапись телефонных переговоров, видеозаписи или фотографии) могут использоваться при проверке и оценке показаний допрашиваемых по делу участников ОРМ. Второй вариант заключается в обнаружении оперативным сотрудником или лицом, оказывающим ему содействие, при проведении ОРМ тех или иных предметов и документов, которые могут иметь значение для дела. Сами по себе эти предметы или документы доказательствами не являются. Для использования их в качестве доказательств по делу необходимо вновь допросить соответствующих лиц об обстоятельствах его обнаружения [18. С. 155–156]. Данную позицию разделяют и другие исследователи [17. С. 56–57].

Отдельно необходимо рассмотреть проблему использования результатов ОРД, полученных из агентурного источника при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности.

В ФРГ, например, «Сенат по уголовным делам Верховного суда в своем разъяснении предусмотрел не только возможность допроса вместо осведомите-

ля полицейского, руководившего им, но и указал, что, в случае необходимости, может быть назначен “судья-докладчик”, который специально будет выделен для допроса осведомителя и который в суде огласит протокол допроса.

В Колумбии предусмотрена двойная страховка безопасности: засекречивается личность не только агента, но и допрашивающего его судьи» [11. С. 159].

Однако отечественная уголовно-процессуальная и оперативно-розыскная позиция к разрешению данного вопроса подходит весьма неоднозначно.

В частности, по мнению Д.И. Кленова, конфиденциально полученная информация не может быть официально использована в процессе доказывания по уголовному делу без согласия лиц, которые ее добыли оперативным путем (ст. 12 ФЗ об ОРД), поэтому она может иметь только ориентирующее значение для принятия решений в рамках ОРД. Далее, продолжает автор, если оперуполномоченный проинформирует о ее наличии следователя, ведущего расследование, то таким образом может повлиять на формирование оценки доказательств и конкретной ситуации по расследуемому уголовному делу. В качестве доказательства данная информация не может быть использована [12. С. 99].

Последователи альтерпроцессуального подхода использования результатов ОРД придерживаются мнения, что «при необходимости сохранения в тайне непосредственного источника информации подлинность сообщаемых сведений в процессуальном статусе свидетеля может подтвердить сам оперативный работник, либо лицо, руководящее ОРД, от которого направляются результаты ОРД, что, на наш взгляд, является одним из эффективных способов использования результатов ОРД при выявлении и пресечении преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности. Далее, — продолжает автор, — гарантией достоверности сообщаемых сведений может выступать предупреждение об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ). Таким образом, достоверность оперативно-розыскного продукта должна подтверждаться производителем этого самого продукта, а не промежуточным потребителем (следователем, дознавателем)» [15. С. 116].

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность рассекречивания свидетеля в соответствии с п. 6 ст. 278 УПК РФ. Данная норма вступает в противоречие положениями ФЗ об ОРД о возможности рассекречивания лица только с его согласия. В настоящее время данный вопрос является весьма дискуссионным. Некоторые ученые считают указанную формулировку в законе ограничивающей принцип справедливого судебного разбирательства и как следствие усматривают наличие почвы для возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц в рамках уголовного судопроизводства, в связи с чем считают излишним наличие обязательного требования о письменном согласии агентурного источника о разглашении сведений о нем. По их мнению, достаточно наличия письменного постановления руководителя оперативно-розыскного подразделения о рассекречивании необходимых сведений. С данной позицией нельзя согласиться хотя бы по той причине, что оперативно-розыскная деятельность продиктована таким отраслевым принципом, как соче-

тание гласных и негласных методов и средств. Придание гласности указанных сведений без письменного согласия источника агентурной информации реально ставит под угрозу жизнь, здоровье, имущество и т.п. этого лица, а также существенно затрудняет выполнение основных задач уголовного судопроизводства.

Мы согласны с мнением И.В. Грибова, что выход из подобной ситуации возможен путем дополнения УПК РФ положениями о том, что в случае необходимости рассекречивания лица, без его согласия, суд не вправе оглашать его данные, однако показания в этом случае признаются недопустимыми [4].

Мы думаем, что вполне возможно использовать агентурную информацию в качестве производного источника доказательств, т.е. путем допроса оперуполномоченного, а не агента. Данный способ разделяют и другие ученые, придерживающиеся концепции «ограничения ретроспекции результата ОРД не до первоисточника, а лишь до источника, внушающего доверие» [4. С. 176]. В случае, если показания оперативного сотрудника составляют сведения, относящиеся к п. 4 ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне», надзирающему прокурору необходимо проверять наличие в материалах дел оперативного учета соответствующего постановления, вынесенного руководителем оперативно-розыскного подразделения, имеющего полномочия на рассекречивание агентурно-оперативных сведений.

По нашему мнению, при выявлении и расследовании преступлений против личности, совершенных в условиях неочевидности, во всех случаях необходимо использовать возможности агентурно-оперативного аппарата. В целях соблюдения ФЗ «О государственной тайне» необходимо засекречивать реальные установочные данные о личности не только агентурных источников, но и должностных лиц, ознакомленных с реальными результатами их деятельности. В данном случае речь идет об оперативных работниках, взаимодействующих с агентурным источником, о прокуроре, осуществляющем надзор за исполнением законов при представлении результатов, полученных от агента и вводимых в уголовное судопроизводство, о судьбе, который выносит постановление о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, о должностных лицах, обеспечивающих меры государственной и личной безопасности субъектов уголовного преследования со стороны обвинения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аганесян А.Л.* Теоретические и правовые основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: дисс. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2005.
- [2] *Анашкин А.В.* К вопросу о возбуждении уголовного дела на основе результатов оперативно-розыскной деятельности // Актуальные проблемы юридической науки и практики: сб. материалов международно-практической конференции. 20 мая 2009. — Орел.
- [3] *Гаскаров И.Ф.* Тактико-криминалистические особенности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2005.
- [4] *Грибов И.В.* Доказывание как способ разрешения противоречий уголовного судопроизводства: дисс. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2006.

- [5] Гусаков Э. Международно-правовые и конституционные основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при формировании доказательств по уголовным делам в РФ // Уголовное право. — 2006. — № 1.
- [6] Гуцин А.Н. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: дисс. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2002.
- [7] Доля Е.А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. — М., 1996.
- [8] Зажицкий В.И. Оперативно-розыскная деятельность и уголовное судопроизводство // Российская юстиция. — 2001. — № 3.
- [9] Земскова А.В. Теоретические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании преступлений: дисс. ... док-ра юрид. наук. — М., 2002.
- [10] Ильиных В.Л. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. — Саратов, 1997.
- [11] Каац М.Э. Использование оперативно-розыскной информации в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2008.
- [12] Кленов Д.И. Процессуальный порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании на досудебных стадиях производства по уголовным делам: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Ижевск, 2005.
- [13] Котухов М.П. Перевод результатов оперативно-розыскной деятельности в доказательство. Дисс. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2001.
- [14] Крашенинников Н.И. Получение оперативно-процессуальной информации о преступлениях и порядок назначения оперативно-розыскных мероприятий, а также использование их результатов по делам оперативного учета и в следственно-судебной практике: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2003.
- [15] Лапатников М.В. Альтерпроцессуальная информация в уголовном судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2009.
- [16] Мешков В.М., Попов В.П. Оперативно-розыскная тактика и особенности легализации полученной информации в ходе предварительного следствия. — М., 1999.
- [17] Миролюбов С.Л. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам (на примере преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы): дисс. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2012.
- [18] Погосян Г.А. Проблемы получения и использования криминалистически значимой информации в качестве доказательств на предварительном следствии (процессуальные или криминалистические аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2006.
- [19] Приказы МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // СПС «КонсультантПлюс».
- [20] Рыжов Р.С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: дисс. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2004.
- [21] Смирнов М.П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. — М., 2002.
- [22] Удовыдченко М.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений: криминалистический аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 1999.
- [23] Шевелев Н.С. Использование оперативно-розыскных возможностей в раскрытии и расследовании преступлений против собственности: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2010.

- [24] *Шейфер С.А.* Доказательство и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. — М.: Норма, 2009.
- [25] *Шумилов А.Ю.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности // Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А.Ю. Шумилова. — М., 1997.

USING THE RESULTS OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY IN THE DETECTION AND INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST THE PERSON

A.V. Kolesnikov

The Prosecutor of the Jewish Autonomous Region researcher
37a, Sholom Aleichem st., Birobidzhan, Russia, 679000

The article is devoted to the theoretical aspect of using the results of operational-investigative activity in the detection and investigation of crimes against the person committed in the context of obviousness. Given the author's definition of the crime committed in the context of obviousness. Practical recommendations aimed at improving the criminal procedural and operational-investigative legislation. A comparative analysis of the use of the results of operational-investigative activity in the countries of Anglo-Saxon and continental systems of law. The author notes that in terms of the theory of criminal procedure of operational and investigative activities *inter alia* relating to crimes against the person committed in non-obviousness conditions collected for further testing and evaluation in terms of the possibility of use as evidence in criminal proceedings. A result of research concludes that the basic regulations relating to the issues of legal regulation of the use of results of operatively-search activity does not give a definite answer about the content of the algorithm presentation and use of results of operatively-search activity.

Key words: operational-investigative activity, operational-search activities, results of operational-investigative activity, crimes against the person committed in the context of obviousness undercover agent, investigator, prosecutor, judge.

REFERENCES

- [1] *Aganesjan A.L.* Teoreticheskie i pravovye osnovy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti pri rassledovanii prestuplenij: diss. ... kand. jurid. nauk [Theoretical and legal basis of using the results of operational and investigative activities in the investigation of crimes]. — Vladimir, 2005.
- [2] *Anashkin A.V.* K voprosu o vzbuzhdenii ugovornogo dela na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti [On the issue of results-based institute criminal proceedings operatively-search activity] // Aktual'nye problemy juridicheskoy nauki i praktiki: sbornik materialov mezhdunarodno-prakticheskoy konferencii. 20 maja 2009 [Actual problems of legal science and practice: proceedings of the international conference. May 20, 2009]. — Orel.
- [3] *Gaskarov I.F.* Taktiko-kriminalisticheskie osobennosti ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v rassledovanii prestuplenij: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [Tactical and forensic features of the use of results of operatively-search activity in investigation of crimes. PhD thesis]. — Ekaterinburg, 2005.
- [4] *Gribov I.V.* Dokazyvanie kak sposob razresheniya protivorechij ugovornogo sudoproizvodstva: diss. ... kand. jurid. nauk [Proving as a way of resolving conflicts criminal proceedings. PhD thesis] — N. Novgorod, 2006.

- [5] *Gusakov Je.* Mezhdunarodno-pravovye i konstitucionnye osnovy ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti pri formirovanii dokazatel'stv po ugovolnym delam v RF [International legal and constitutional basis of the use of results of operatively-search activity in the formation of evidence in criminal cases in the Russian Federation] // *Ugolovnoe pravo — Criminal law.* — 2006. — № 1.
- [6] *Gushhin A.N.* Problemy ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam: diss. ... kand. jurid. nauk [Problems of use of results of operatively-search activity in proving on criminal cases. PhD thesis]. — Saratov, 2002.
- [7] *Dolja E.A.* Ispol'zovanie v dokazyvanii rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti [Using in proving results of operational search activity]. — M., 1996.
- [8] *Zazhickij V.I.* Operativno-rozysknaja dejatel'nost' i ugovolnoe sudoproizvodstvo [Operational search activity and criminal proceedings] // *Rossijskaja justicija — Russian justice.* — 2001. — № 3.
- [9] *Zemskova A.V.* Teoreticheskie osnovy ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti pri rassledovanii prestuplenij: diss. ... dok-ra jurid. nauk [Theoretical basics of using the results of operational and investigative activities in the investigation of crimes. Doctoral thesis]. — M., 2002.
- [10] *Il'inyh V.L.* Federal'nyj zakon «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti»: kommentarij [Law Enforcement Operations Act: Commentary]. — Saratov, 1997.
- [11] *Kaac M.Je.* Ispol'zovanie operativno-rozysknoj informacii v ugovolnom sudoproizvodstve: diss. ... kand. jurid. nauk [The use of operational and investigative information in criminal proceedings. PhD thesis]. — Ufa, 2008.
- [12] *Kljonov D.I.* Processual'nyj porjadok ispol'zovanija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazyvanii na dosudebnyh stadijah proizvodstva po ugovolnym delam: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [Procedure order of using results of operatively-search activity in proving on pretrial stages of criminal proceedings. PhD thesis]. — Izhevsk, 2005.
- [13] *Kotuhov M.P.* Perevod rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazatel'stva: diss. ... kand. jurid. nauk [Transfer results of operatively-search activity in evidence. PhD thesis]. — Kazan', 2001.
- [14] *Krashenninnikov N.I.* Poluchenie operativno-processual'noj informacii o prestuplenijah i porjadok naznachenija operativno-rozysknyh meroprijatij, a takzhe ispol'zovanie ih rezul'tatov po delam operativnogo ucheta i v sledstvenno-sudebnoj praktike: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [Getting operational and procedural information about the crimes and the appointment of operatively-search actions, as well as their applications on business and operational records in investigative and judicial practice. PhD thesis]. — SPb., 2003.
- [15] *Lapatnikov M.V.* Al'terprocessual'naja informacija v ugovolnom sudoproizvodstve: diss. ... kand. jurid. nauk [Alterprocessualnaya information in criminal proceedings. PhD thesis]. — N. Novgorod, 2009.
- [16] *Meshkov V.M., Popov V.P.* Operativno-rozysknaja taktika i osobennosti legalizacii poluchennoj informacii v hode predvaritel'nogo sledstvija [Operational search tactics and features of legalization of information received during the preliminary investigation]. — M., 1999.
- [17] *Miroľjubov S.L.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v dokazyvanii po ugovolnym delam (na primere prestuplenij, sovershaemyh v uchrezhdenijah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy): diss. ... kand. jurid. nauk [Using the results of operatively-search activity in proving on criminal cases (for example, crimes in the penal system institutions). PhD thesis]. — Vladimir, 2012.
- [18] *Pogosjan G.A.* Problemy poluchenija i ispol'zovanija kriminalisticheski znachimoj informacii v kachestve dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii (processual'nye ili kriminalisticheskie aspekty): diss. ... kand. jurid. nauk [The acquisition and use of forensically impor-

- tant information as evidence during the preliminary investigation (procedural or forensic aspects). PhD thesis]. — Krasnodar, 2006.
- [19] Prikaz MVD Rossii № 776, Minoborony Rossii № 703, FSB Rossii № 509, FSO Rossii № 507, FTS Rossii № 1820, SVR Rossii № 42, FSIN Rossii № 535, FSKN Rossii № 398, SK Rossii № 68 ot 27.09.2013 «Ob utverzhdenii Instrukcii o porjadke predstavlenija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti organu doznaniya, sledovatelju ili v sud» [Russian Interior Ministry Order № 776 Russian Ministry of Defense number 703, number 509 of the Russian FSB, Federal Security Service of Russia № 507, the FCS of Russia № 1820 SVR Russia № 42, № 535 Russian Federal Penitentiary Service, Federal Drug Control Service of Russia № 398, SK Russia № 68 from 09.27.2013 «on approval of Instruction on the procedure for the submission of results of operatively-search activity the body of inquiry, the investigator or the court»] // SPS «Konsul'tantPljus» — ConsultantPlus.
- [20] *Ryzhov R.S.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v ugovnom processe kak pravovoj institute: diss. ... kand. jurid. nauk [Using the results of operational and investigative activities in criminal proceedings as a legal institution. PhD thesis]. — N. Novgorod, 2004.
- [21] *Smirnov M.P.* Kommentarij operativno-rozysknogo zakonodatel'stva RF i zarubezhnyh stran. Uchebnoe posobie [Commentary on the operative investigation legislation of the Russian Federation and foreign countries. Tutorial]. — M., 2002.
- [22] *Udovydchenko M.A.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti v rassledovanii prestuplenij: kriminalisticheskij aspekt: diss. ... kand. jurid. nauk [Using the results of operatively-search activity in investigation of crimes: Forensic aspect. PhD thesis]. — M., 1999.
- [23] *Shevelev N.S.* Ispol'zovanie operativno-rozysknyh vozmozhnostej v raskrytii i rassledovanii prestuplenij protiv sobstvennosti: avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk [The use of the operational-search capabilities in the detection and investigation of crimes against property. PhD thesis]. — Krasnodar, 2010.
- [24] *Shejfer S.A.* Dokazatel'stvo i dokazyvanie po ugovnym delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. — M.: Norma, 2009.
- [25] *Shumilov A.Ju.* Ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti [Using the results of operatively-search activity] // Kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» [Commentary to the Law Enforcement Operations Act] / ed. by A.Ju. Shumilova. — M., 1997.

НАШИ АВТОРЫ

Абашидзе Аслан Хусейнович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Юридического института РУДН, директор Центра инновационно-образовательных проектов и правовых исследований Юридического института РУДН, вице-председатель Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, председатель Комиссии международного права Российской ассоциации содействия ООН.

E-mail: aslan.abashidze@gmail.com

Киселева Екатерина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права Юридического института РУДН.

E-mail: ekaterina.kiseleva.rudn@gmail.com

Клишас Андрей Александрович — доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Юридического института РУДН, заведующий кафедрой конституционного права и конституционного судопроизводства Юридического института РУДН, председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым судебным вопросам, развитию гражданского общества, основатель фонда современной истории, член Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации, член попечительского совета Ассоциации юристов России, Заслуженный юрист Российской Федерации.

E-mail: klishas.rudn@gmail.com

Колесников Андрей Васильевич — заместитель прокурора Еврейской автономной области.

E-mail: prokuror_andre@mail.ru

Конева Александра Евгеньевна — кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права Юридического института РУДН.

E-mail: aleksandra.koneva@gmail.com

Круглов Дмитрий Андреевич — аспирант кафедры международного права Юридического института РУДН.

E-mail: dm.a.kruglov@gmail.com

Ниязова Анара Натуевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Киргизско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина (г. Бишкек, Киргизская Республика).

E-mail: a_niazova@mail.ru

Прошунин Максим Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия, доцент кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН.

E-mail: mproshunin@mail.ru

Солнцев Александр Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Юридического института РУДН.

E-mail: a.solntsev@gmail.com

Сусликов Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Юго-Западного Государственного университета (Курск).

E-mail: svn60@mail.ru

Фролова Евгения Евгеньевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Юридического института РУДН.

E-mail: frolevgevg@mail.ru

Шахова Елена Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного Государственного университета (г. Курск).

E-mail: elena.schakhova2013@yandex.ru

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Научный журнал

С е р и я

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2016, № 1

Редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *П.Ю. Яковлев*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
117923, ГСП-1, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16

Адрес редакционной коллегии
серии «Юридические науки»:
117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-14-80

Подписано в печать 20.03.2016. Формат 60X84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 12,5. Тираж 500 экз. Заказ № 109

Типография ИПК РУДН
115419, ГСП-1, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. +7 (495) 952-04-41

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Scientific journal

Series
LAW

2016, № 1

Editor *K.V. Zenkin*

Computer design *P.Yu. Yakovlev*

Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia
3, Ordzhonikidze st., Moscow, Russia, 117923
Ph. +7 (495) 955 0716

Address of the editorial board

Series «Law»:

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433 1480

Printing run 500 copies

Address of PFUR publishing house

3, Ordzhonikidze st., Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952 0441

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал
ВЕСТНИК РУДН
Серия «Юридические
науки»

20831

(индекс издания)

Количество
комплектов:

на **2016** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на журнал

20831

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН

Серия «Юридические науки»

Стои- мость	подписки	руб. ___ коп.	Количество комплектов:
	переадресовки	руб. ___ коп.	

на **2016** год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК